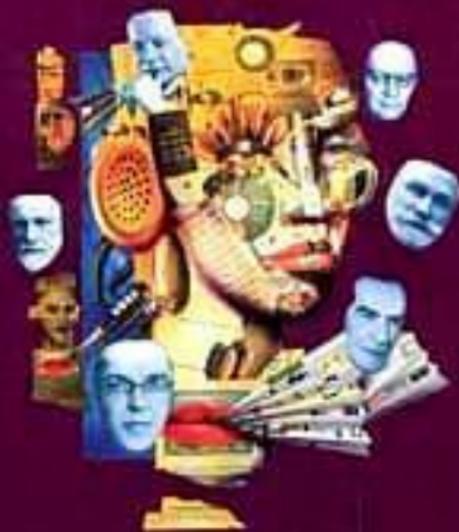

ВЕК ПСИХОЛОГИИ: ИМЕНА И СУДЬБЫ

Сергей Степанов

Сергей Сергеевич Степанов

Век психологии: имена и судьбы

Текст предоставлен правообладателем.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=656605

Степанов С. С. Век психологии: имена и судьбы (издание переработанное и дополненное, авторская редакция):

Аннотация

«Век психологии: имена и судьбы» – собрание научно-биографических очерков, посвященных жизненному пути и научным открытиям выдающихся психологов. Используя широкую палитру фактов и гипотез, автор стремится показать, из каких источников черпали вдохновение великие ученые, как перипетии их личной судьбы повлияли на становление их научных воззрений. Вы узнаете много интересного о жизни таких замечательных деятелей, как Э. Фромм, В. Райх, Э. Берн, А. Р. Лурия, И. П. Павлов, Л. С. Выготский, Л. И. Божович и многих других. Книга будет интересна специалистам-психологам, студентам психологических факультетов и всем, кто интересуется историей психологии.

Содержание

Предисловие	4
Ф. Гальтон	8
В. Вундт	24
Й. Брейер	33
У. Джемс	44
Дж. Сёлли	53
Г.С. Холл	70
И.П. Павлов	84
Г. Эббингауз	103
З. Фрейд	109
Конец ознакомительного фрагмента.	131

Сергей Степанов

Век психологии: имена и судьбы

(издание переработанное и дополненное, в авторской редакции)

Предисловие

В любой области науки изучение любого вопроса обязательно предусматривает ознакомление с историей вопроса. Эта аксиома имеет особое значение для психологии – науки, находящейся в динамичном (и судя по всему – бесконечном) развитии. Полноценное психологическое образование и самообразование непременно должно включать изучение истории психологии. Как писал наш выдающийся психолог Л.С. Выготский: «Мы должны рассматривать себя в связи и в отношении с прежним; даже отрицая его, мы опираемся на него». К этому хочется добавить: для того, чтобы опереться на идеи прошлых лет, критически их переосмыслить, их надо просто знать.

Сегодня, если спросить сотню случайных прохожих, кого из психологов они знают, то ответы едва ли будут отли-

чатся разнообразием. Большинство опрошенных, вероятно, вообще не вспомнят ни одного имени. Некоторые назовут Зигмунда Фрейда. И это не удивительно: сегодня его имя постоянно упоминается к месту и не к месту. Кто-то вспомнит Дейла Карнеги, хотя к психологам его можно отнести с большой натяжкой. Некоторые знатоки назовут еще пару имен. Этим средний уровень психологической эрудиции, как правило, и исчерпывается. И это особенно удивительно при том условии, что интерес к психологии сегодня высок как никогда. Однако познания большинства людей в этой области разрозненны и поверхностны. Многие путают психологию с парапсихологией и вообще плохо представляют себе достижения этой науки. Поэтому рассказ о том, чем занимались и чего достигли в этой области выдающиеся ученые, многим будет интересен и полезен.

Читать научные и даже научно-популярные книги, посвященные каким-то серьезным проблемам, любят далеко не все. Зато практически каждому интересен рассказ о людях, особенно выдающихся. Поэтому рассказ о психологии задуман автором как серия «портретов в интерьере», где личность психолога и его воззрения выступают единым, целостным образом.

Конечно, психолог-профессионал своей эрудицией превосходит обычного читателя и без труда сможет перечислить множество имен своих выдающихся коллег. Однако и эрудиция профессионалов как правило односторонняя. Хоро-

шо зная теории и факты, специалисты в области психологии не так уж много знают о личности создателей этих теорий. А ведь во многих случаях понять великого ученого можно только тогда, когда знаешь особенности его характера, этапы жизненного пути, источники его мировоззрения. Поэтому данная книга наверняка окажется небезынтересна и специалистам.

В 2001 г. увидела свет книга «Психология в лицах», в которой были собраны 40 «психологических портретов в интерьере». В предисловии к ней было написано: «Автор отдает себе отчет, что такая книга могла бы быть по объему и вдвое, и вдесятеро больше. И если это издание будет благосклонно встречено читателем, то новое обязательно будет расширено». 10-тысячный тираж «Психологии в лицах» оказался активно востребован читателями. Выполняя обещание, автор значительно дополнил опубликованный ранее материал. Так появилась книга «Век психологии: имена и судьбы» (2002), которую сегодня в продаже также уже не найти. Новая книга представляет собой значительно обновленное и расширенное издание – ее объем в два с половиной раза превосходит объем «Психологии в лицах» и почти на треть превышает объем «Века психологии». Некоторые главы для данного издания были дополнены и обновлены, иные – полностью написаны заново. В отличие от предыдущих изданий, материал в данной книге сгруппирован по хронологическому принципу – в соответствии с годами рождения ученых. Книга также

снабжена именованным указателем, построенным по алфавитному принципу, – он включает ссылки на все имена, упомянутые в книге (за исключением имен родственников ученых, ничем кроме этого родства не знаменитых).

Иллюстрациями служат репродукции старых фотографий, качество которых по понятным причинам оставляет желать лучшего. Вопреки возражениям издателей автор настоял на публикации этих снимков, которые, даже не будучи полиграфически безупречными, значительно обогащают содержание книги.

В большинстве случаев в книге представлены материалы малоизвестные и труднодоступные. Автор несколько лет буквально по крупицам собирал их в разных источниках. И если читатель сумеет вынести из этой книги живое и непосредственное впечатление о психологической науке и ее творцах, значит труд автора не пропал даром.

Ф. Гальтон
(1822–1911)

Фрэнсис Гальтон – одна из наиболее ярких фигур в мировой психологии, хотя сам себя он психологом не считал ввиду неопределенного статуса этой науки в то время. Тем не менее его исследования на долгие годы определили важные тенденции в развитии психологической мысли, и многие выдающиеся психологи относили себя к его последователям. Это был «один из оригинальнейших ученых-исследователей и мыслителей современной Англии», как писал о нем К.А. Тимирязев в начале XX века.

Жизнь и деятельность Гальтона подробно описаны его учеником и другом Карлом Пирсоном в книге «Жизнь, письма и труды Фрэнсиса Гальтона». Поскольку центральным моментом концепции Гальтона было признание наследственной природы человеческих способностей, естественно, что его жизнеописание Пирсон начал с генеалогии, которую проследил по пятидесятому колена.

Среди предков Гальтона мы находим такие фигуры, как император Карл Великий, киевский князь Ярослав мудрый, Вильгельм Завоеватель, несколько английских королей. Это предки Гальтона по женской линии. А вот предки по мужской линии были из простых крестьян. Так что генеалогическое дерево лишь отчасти может служить аргументом в пользу его теории. Противоречивые свидетельства мы находим и среди ближайших (в хронологическом отношении) родственников Гальтона. Так, выдающийся ученый Чарлз Дарвин был его кузеном (их дедом был Эразм Дарвин). А вот

отец Фрэнсиса, Самуэль, никакими талантами не блистал, как и все его дети, за исключением девятого, младшего, Фрэнсиса.

Фрэнсис Гальтон родился 16 февраля 1822 года в имении Лэрчес близ Бирмингема, принадлежавшем его отцу. Он был значительно младше своих братьев и сестер и в силу этого сравнительно одинок. Фактически его воспитанием и обучением занималась сестра Адель, которая была на 12 лет старше. Одаренность мальчика проявилась очень рано. Сохранилось письмо, написанное им Адели в 1827 году.

Моя дорогая Адель.

Мне четыре года, и я могу читать любую английскую книгу. Я могу назвать все латинские существительные, прилагательные и глаголы 52 строк латинского стихотворения. Я знаю сложение и могу множить на 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11... Я немного читаю по-французски и знаю часы.

Фрэнсис Гальтон

Даже не имея возможности проверить достоверность содержания письма, отметим, что оно написано по-английски с одной-единственной ошибкой. Уже одно это, учитывая сложность английской орфографии, явно свидетельствует о незаурядных способностях автора, которому еще не исполнилось пяти лет.

Школьное образование, судя по скептическому отзыву самого Гальтона, было малопродуктивным. Сменив несколько

частных школ, он не преуспел в науках. Пирсон расценивает его школьные годы как застой в развитии. Впрочем, сохранилась рукопись 1835 года «Аэростатический проект Фрэнсиса Гальтона». В ней описана (правда, весьма невразумительно) конструкция крылатого летательного аппарата, что само по себе свидетельствует о неординарности и смелости мысли будущего ученого.

Родители Фрэнсиса прочили ему медицинскую карьеру. Начальную подготовку он получил в бирмингемском госпитале и в Лондонской медицинской школе.

В 1838 г. вместе с товарищами по учебе Фрэнсис предпринял свое первое путешествие по Европе, посетив Бельгию, Германию и Австрию. Впоследствии Гальтон оказался страстным путешественником, этот вояж послужил лишь началом целой серии его странствий.

Осенью 1840 г. Гальтон поступил в Кембриджский университет, в знаменитый Тринити-колледж, где некогда учились Ньютон и Байрон. Здесь он изучал математику и естественные науки, с тем чтобы потом по замыслу отца посвятить себя практической медицине.

Энциклопедические справочники, обычно отмечающие, какое высшее учебное заведение окончил тот или иной деятель, в отношении Гальтона предпочитают формулировку: «Образование получил в Кембриджском университете». Дело в том, что медицинская карьера Гальтона не привлекала. В 1844 г. в возрасте 61 года скончался его отец, с которым

Фрэнсис был очень дружен. Это событие потрясло его и заставило пересмотреть свои жизненные цели. Он отказался от необходимой медицинской практики в госпитале Св. Георга в Лондоне, поэтому диплом врача не получил. Вместо этого он решил отправиться в путешествие.

Последующий период своей жизни Гальтон в «Мемуарах» называет годами охоты и стрельбы: охота на тетеревов в шотландских болотах, на тюленей – на Гибридных островах и т. д. и т. п. Казалось, праздный образ жизни затягивает молодого джентльмена.

Но в 1849 г. Гальтон вновь испытал чувство, которое назвал «весенней тревогой». У него снова возникла потребность в исследовательской деятельности и творчестве, и он вернулся к научной работе. Плодом его изысканий стало изобретение печатающего телеграфа, или «телотайпа», как его называл автор. Описание этого прибора явилось его первым научным трудом. Правда, сам прибор так и не был полностью построен.

В 1850–1851 гг. Гальтон предпринял экспедицию в Африку, которая в отличие от его предыдущих, по сути туристических вояжей носила исследовательский характер. Экспедиция длилась около двух лет, было пройдено 1700 миль по труднодоступным и малоизученным районам. В ходе путешествия Гальтон собрал ценные материалы для своих эвгенических размышлений последующих лет.

По возвращении он опубликовал книгу «Рассказ исследо-

вателя тропической Южной Африки», которая была оценена научной общественностью очень высоко. В 1854 г. Географическое общество наградило Гальтона золотой медалью, а в 1856 г. Королевское общество (Академия наук) избрало его своим членом. Чарлз Дарвин также весьма одобрительно отозвался о книге своего кузена.

В 1853 г. Гальтон познакомился с Луизой Батлер и в августе того же года женился на ней. В результате этого события его жизнь приобрела упорядоченность и устойчивость. Дальних путешествий он больше не предпринимал, хотя до самой старости выезжал с женой в разные страны Европы. Гальтон пережил жену на 14 лет. Брак их остался бездетным.

Отчасти в связи с новым укладом жизни упорядочилась и его научная деятельность. Важно отметить, что он был материально вполне обеспечен и работать ради заработка ему не приходилось, поэтому все силы он отдавал науке.

В брошюре Ю.А. Филипченко, вышедшей в 1925 г., отмечается аналогия между главными событиями жизни Гальтона и его родственника Чарлза Дарвина. Оба намеревались стать врачами. Но не осуществили это намерение. В возрасте до 30 лет оба предприняли большое научное путешествие, а потом женились и, перейдя к более основательному образу жизни, целиком предали науке, будучи при этом вполне обеспеченными людьми. Наконец, оба сравнительно поздно выступили со своими главными сочинениями: «Наследственный гений» Гальтона впервые увидел свет, когда авто-

ру было 47 лет, «Происхождение видов» было опубликовано пятидесятилетним Дарвином.

Но были, разумеется, и отличия. Дарвин жил уединенно, Гальтон постоянно общался со многими учеными, что благотворно отражалось на его научной работе.

После возвращения из Африки Гальтон в течение нескольких лет занимался научно-практическими разработками в различных областях, ни одной не отдавая предпочтения.

Свой опыт путешественника он изложил в книге «Искусство путешествовать» (1855), представляющей собой практическое руководство по организации дальних странствий. Книга имела большой успех. В 1872 г. появилось уже пятое ее издание. А в 1855 г. на ее основе Гальтон подготовил цикл лекций для английских офицеров. Это было вызвано тем, что, когда в 1855 г. английские войска высадились в Крыму, они столкнулись со множеством бытовых трудностей. Рекомендации Гальтона, касавшиеся походного снаряжения, медицинских средств, разведения огня и т. п., оказались весьма полезными.

С Крымской войной связано и изобретение Гальтоном прибора, названного им «гелиостат», или «алтископ». Это был карманный прибор, позволявший вести наблюдение из укрытия – через стену или через головы толпы. По сути это был аналог перископа. Неизвестно, однако, возник ли перископ под влиянием изобретения Гальтона, либо он был создан независимо от него.

В эти же годы ученый активно занимался климатологией и метеорологией. Он был первым, кто стал публиковать метеорологические карты Европы, обозначая на них осадки, облачность, направление ветра. В 1863 г. им был создан атлас под названием «Метеорографика, или Методы нанесения погоды на карту». Занятия этими вопросами привели его к важному открытию. В его время было известно явление циклона, центр которого отличается низким давлением. Гальтон установил наличие центров с высоким давлением и центробежным движением воздуха по направлению часовой стрелки. Эту систему, противоположную циклону, он назвал «антициклон». Данное понятие сохранилось в метеорологии по сей день.

Страсть Гальтона к созданию новых приборов и приспособлений проявилась и в этой области. Он разработал своеобразные приборы для получения метеорологических карт и чертежей, а кроме того – «волновую машину» для использования энергии морских волн.

Однако основные интересы ученого лежали в иной области. Главной сферой его научных изысканий явилось исследование человеческих способностей.

Фундаментальный труд «Наследственный гений» увидел свет в 1869 году. Ему предшествовали несколько статей аналогичного содержания.

Интересна его статья «Стадность у рогатого скота и человека». В ней, рассуждая о «стадном инстинкте» свойствен-

ном человеческому обществу, гальтон утверждал, что в прошлом этот инстинкт был оправдан, но в современных условиях он вреден. Его необходимо преодолеть, чтобы вывести человеческий род на путь морального и интеллектуального прогресса. Средство к этому предлагалось то же, что и для улучшения породы скота, – искусственный отбор.

Такие идеи возникли у Гальтона под впечатлением «Происхождения видов» Ч.Дарвина. Первая статья ученого о наследовании человеческих черт – «Наследственный талант и характер» – появилась в 1865 г. Уже в ней намечены основные принципы, которых он придерживался в последующих изысканиях.

Главное убеждение Гальтона состояло в том, что талант человека и вообще все психические свойства так же наследуются, как и его физические качества.

Для аргументации этого положения им был разработан так называемый близнецовый метод. Впоследствии получивший в психологии чрезвычайно широкое распространение. Сопоставляя степень схожести по ряду параметров монозиготных и дизиготных близнецов, Гальтон еще более укрепился в убеждении, что наследственность играет решающую роль в становлении личности, в условия среды – второстепенную.

Признание наследственности таланта неизбежно направило мысль Гальтона на изучение и измерение ее функций, то есть на психометрические исследования. «Психометрия

есть искусство охватывать измерением и числом операции ума, как, например, определение времени реакции у разных лиц... Пока феномены какой-нибудь отрасли знания не будут подчинены измерению и числу, они не могут приобрести статус и достоинство науки». Последняя фраза Гальтона стала впоследствии лозунгом биометрической лаборатории, основанной им в Лондоне.

Психологические исследования, проводимые ученым, были очень разнообразны. Некоторые его наблюдения и эксперименты не укладываются в рамки ни одной теории, как, например, так называемая «знаменитая прогулка сэра Гальтона». Суть этого опыта поистине поучительна.

Однажды сэр Фрэнсис решился на своеобразный эксперимент. Прежде чем отправиться на ежедневную прогулку по улицам Лондона, он внушил себе: «Я – отвратительный человек, которого в Англии ненавидят все!» После того как он несколько минут сконцентрировался на этом убеждении, что было равносильно самогипнозу, он отправился, как обычно, на прогулку. Впрочем, это только казалось, что все шло как обычно. В действительности произошло следующее. На каждом шагу Фрэнсис ловил на себе презрительные и брезгливые взгляды прохожих. Многие отворачивались от него, и несколько раз в его адрес прозвучала грубая брань. В порту один из грузчиков, когда Гальтон проходил мимо него, так саданул ученого локтем, что тот плюхнулся в грязь. Кажется, враждебное отношение передалось даже животным.

Когда он проходил мимо запряженного жеребца, тот лягнул ученого в бедро так, что он опять повалился на землю. Гальтон пытался вызвать сочувствие у очевидцев, но, к своему изумлению, услышал, что люди принялись защищать животное. Гальтон поспешил домой, не дожидаясь, пока его мысленный эксперимент приведет к более серьезным последствиям.

Эта достоверная история описана во многих учебниках психологии. Из нее можно сделать два важных вывода:

Человек представляет собой то, что он о себе думает.

Нет необходимости сообщать окружающим о своей самооценке и душевном состоянии. Они и так почувствуют.

Практически это означает следующее. Если нас что-то не устраивает в нашем мироощущении и поведении, в отношении к нам других людей, надо попробовать это изменить. Но любому изменению поведения должно предшествовать изменение мышления. Хорошее настроение и высокая самооценка способствуют успеху в делах и гармонии в человеческих отношениях.

Гальтоном был осуществлен ряд опытов по измерению функций разных органов чувств человека: реакции кожи на температуру и прикосновение, зрения, слуха, обоняния, вкуса и так называемого мышечного чувства. Для этих опытов Гальтон, обладавший неиссякаемой изобретательской фантазией, создал различные приборы и инструменты, некоторые из них еще долгое время использовались в практике

экспериментальной психологии. Среди них так называемый гальтоновский свисток, с помощью которого можно было выявить предельную высоту звука, воспринимаемую конкретным человеком, а также линейка Гальтона для определения способности оценивать расстояния.

Гальтон считал возможным классифицировать людей на основании измерения скорости «образования суждений». Он разработал несложный опыт, который состоял в том, что испытуемый должен был различать альтернативные сигналы А и В, нажимая на ключ в ответ на А правой рукой, на В – левой. Различение сигналов и соответственно рук требовало известного интервала, неодинакового у разных людей. Это время, необходимое для «образования суждения», измерялось. Такой опыт фактически являет собой пример психометрического теста.

Интересно, что представление Гальтона о времени реакции (ВР) как важном показателе протекания психических процессов на протяжении всей истории психологии остается предметом оживленных научных дискуссий и по сей день находит своих сторонников. Так, признанный эксперт в области психодиагностики Г.Ю. Айзенк (ему в данной книге посвящен отдельный очерк) в одной из публикаций последних лет утверждает, что ВР является одним из наиболее существенных критериев уровня интеллектуальной одаренности, тем самым фактически подтверждая давнюю идею Гальтона.

По мнению многих, Гальтона можно назвать основопо-

ложником психометрического направления в психологии, первым среди тестологов. Хотя сам Гальтон созданные им методы тестами не называл. Слово «тест» издавна бытует в английском языке в значении «испытание», «проверка», «проба». Для обозначения психометрических методик его впервые употребил американец Джеймс Маккин Кеттелл в своей статье «Умственные тесты и измерения» (1890). Психологическую подготовку Кеттелл первоначально проходил в Лейпциге в знаменитой лаборатории В.Вундта. Однако он быстро разочаровался в подходе Вундта, которому была совершенно чужда идея исследования индивидуально-психологических различий. Кеттелл перебрался в Лондон, где продолжил свою подготовку под руководством Гальтона. Усвоенные представления он активно развивал в США, где выступил первым тестологом. Разработанные Кеттеллом тесты сегодня в практике не применяются, однако появившиеся впоследствии более совершенные американские тесты по своей сути базируются на той же теоретической основе, корни которой можно проследить вплоть до гальтоновских построений.

В 1844 году на Международной выставке здравоохранения в Кенсингтоне Гальтон открыл Антропометрическую лабораторию. Он хотел получить статистические данные об объеме человеческих способностей. За три пенса посетители выставки проходили обследование, состоявшее из 17 различных испытаний. Ассистент Гальтона заносил данные в

особые карточки. Лаборатория вызвала большой интерес, в день ее посещало около 90 человек, и в итоге набралось 9337 карточек с индивидуальными результатами. Это был первый эксперимент такого размаха, первое массовое тестирование.

Антропометрическая лаборатория Гальтона после закрытия выставки в 1885 г. переехала в новое, более просторное помещение и там продолжила свою работу. Она послужила образцом для создания подобных лабораторий в Дублине, Итоне, Кембридже и других местах.

Гальтон расширил спектр своих исследований, обратившись, в частности, к анализу отпечатков пальцев. На основе изучения обширного эмпирического материала он пришел к выводу, что пальцевые узоры не меняются в течение всей жизни человека, их разнообразие достаточно велико и каждый человек отличается по узорам своих десяти пальцев от всякого другого человека, эти узоры можно классифицировать. Этим Гальтон создал новую науку – дактилоскопию, по сей день составляющую важный компонент криминалистической экспертизы.

Особая серия работ ученого возникла в связи с его психометрическими исследованиями. Это была попытка выяснить существование какой-либо связи между психикой и физиономией человека. В 1878 г. Гальтон опубликовал статью под названием «Составные портреты».

В те годы фотографирование осуществлялось посредством засветки фотопластинки, причем для нормальной

съемки требовалась выдержка в 80 секунд, ибо чувствительность пластинок была очень низкой. Гальтону принадлежит идея совместить в одном изображении портреты нескольких лиц. Так, засвечивая пластинку в течение 10 секунд, можно было получить совокупный портрет 8 персон. Очевидно, что общие семейные черты на таком сводном портрете выступают более отчетливо, тогда как сугубо индивидуальные – нивелируются.

С помощью этой методики Гальтон пытался получить типичный портрет преступника, а также человека, склонного к чахотке, и т. п. Однако данные попытки едва ли можно назвать успешными. Однозначной корреляции между психическими свойствами и особенностями физиономии найдены не были. Впрочем, Пирсон подчеркивает, что и такого рода отрицательный результат имеет научную ценность. Опыты с целью нахождения подобных корреляций многократно проводились и впоследствии, однако ничего не прибавили к негативному результату, полученному Гальтоном.

Интересно, что методика составного портрета в модифицированной форме используется и в наши дни. Так, в конце 80-х годов XX в. в США проводились опыты по изучению привлекательности человеческого лица. материалом служили совокупные портреты, правда созданные уже с помощью компьютера.

Научную деятельность Гальтон продолжал до глубокой старости. Умер он 17 января 1911 г. в Хейзлмире, близ Лон-

дона.

Многие его идеи и разработанные им методы послужили ориентиром для развития психологической науки, и прежде всего, дифференциальной психологии. Оценки его творчества впоследствии давались различные, порой и негативные. Последнее определялось теми злостными извращениями, которым подвергли его евгеническую теорию разного рода воинствующие фанатики. Что, впрочем, не умаляет достоинств концепции Гальтона, глубоко гуманистической по своей сути.

В. Вундт
(1832–1920)

Историю психологической мысли исследователи прослеживают с античных времен, анализируя психологические воззрения Платона, Аристотеля, Демокрита... Само понятие «психология» было введено в научный обиход в конце XVI века. Однако на протяжении всей истории науки психология не выделялась в самостоятельную сферу научного знания, а развивалась в русле философской мысли. Как самостоятельная наука она существует сравнительно недавно – с конца XIX века. Ее рождение в этом качестве историки датируют 1879 годом, когда впервые в мире была основана исследовательская психологическая лаборатория. Эту лабораторию, преобразованную впоследствии в институт, основал Вильгельм Вундт, который по праву считается первым их психологов.

Вильгельм Максимилиан Вундт родился 16 августа 1832 г. в Неккерау близ Мангейма. Он был младшим из детей протестантского пастора Максимилиана Вундта и Мари Фредерики Вундт, урожденной Арнольд. В семье было четверо детей. Двое из них умерли в раннем возрасте, остались только Вильгельм и его брат Людвиг, который был на 8 лет старше. Жил Людвиг в Гейдельберге, его воспитанием занималась сестра матери. Таким образом Вильгельм оставался в семье в роли единственного ребенка.

Два года он обучался в народной школе, после чего его обучение было поручено викарию – помощнику отца, с которым Вильгельм до этого жил в одной комнате в доме ро-

дителей. В своей автобиографии «Пережитое и познанное» Вундт вспоминал: «Этот еще довольно молодой помощник моего отца по имени Фридрих Мюллер и был моим настоящим воспитателем. Он стал для меня ближе, чем отец и мать, и когда через несколько лет он получил собственный приход в близлежащем местечке Мюнцехайм, я настолько затосковал, что родители согласились, в ответ на его предложение, чтобы я жил у него в течение того года, который оставался до поступления в гимназию». За исключением воскресных дней Вильгельм все время проводил в доме викария. При несомненных педагогических способностях викария, его влияние, как вспоминал позже Вундт, имело и негативные черты: обучение, не стесненное программой и дисциплиной, побуждение к безудержному фантазированию не готовило к условиям обучения в гимназии. В возрасте 13 лет Вундт поступил в католическую гимназию в Брухзале. После занятий с викарием гимназия стала для Вундта «школой страданий». Возможно, это объяснялось также ее католической направленностью, чуждой сыну протестантского пастора.

Через год родители перевели его в гимназию в Гейдельберге. Здесь он приобрел друзей, интенсивно занялся чтением. Изучением древних языков – латинского, греческого, древнееврейского, – в общем, вступил на путь познания, на котором ему потом суждено было стать знаменитым.

Когда ему исполнилось девятнадцать, он был готов к по-

ступлению в университет. С этой целью в 1851 г. он прибыл в Тюбинген. Здесь в университете работал его дядя, анатом Фридрих Арнольд. Однако проучившись здесь только один год, он перешел в Гейдельбергский университет, где проучился три с половиной года. Еще в Тюбингене он принял решение стать физиологом. Считая, что именно эта область знания, а не профессия практического врача в наибольшей степени соответствует его интересам и склонностям (подобным образом до него рассуждал и Г.Гельмгольц).

Первый год обучения в Гейдельберге Вундт посвятил изучению анатомии, физиологии, физики, химии и до некоторой степени практической медицины. Под влиянием интересных лекций и демонстраций опытов химика Бунзена Вундт в 1853 г. выполнил свою первую научную работу. На втором году он стал больше внимания уделять практической медицине. Возрос и его интерес к физиологии. Еще через год Вундт стал ассистентом в медицинской клинике в Гейдельберге. Тут ему стало окончательно ясно, что медицина не будет его профессией.

Весной 1856 г. Вундт отправился в Берлин к И.Мюллеру, чтобы изучать физиологию под руководством человека, считавшегося «отцом экспериментальной физиологии». Он нашел, что характер немецкой науки в Берлине отличается от университетов южной Германии. В Гейдельберге наука была слишком практична для его академического темперамента. В Берлине он встретил не только лучшую науку, но и лучшие

умы. Помимо И.Мюллера, большое влияние на него оказал Э. Дюбуа-Реймон, стимулировавший его интерес к экспериментальным исследованиям.

В Гейдельберг Вундт вернулся в 1856 г. Здесь он защитил диссертацию по медицине на тему «Исследование нервов в воспаленных и вырождающихся органах». В 1856–1857 гг. он опубликовал три статьи (чисто физиологического содержания), а в 1858 г. – свою первую книгу «Очерки по изучению мускульного движения». В это время интересы Вундта были сосредоточены на проблемах физиологии, хотя психологические идеи занимали его все больше и больше.

В 1858 г. Г.Гельмгольц перешел из Боннского университета в Гейдельбергский. Вундт стал его ассистентом. Личных дружественных отношений между ними не сложилось, возможно – в силу различия темпераментов. Тем не менее их сотрудничество продолжалось 13 лет, пока в 1871 г. Гельмгольц не переехал в Берлин.

Вундт проработал в Гейдельберге до 1874 г. Здесь окончательно оформились его научные интересы. Теперь приоритетным направлением для него выступала психология.

Еще в 1858 г. Вундт опубликовал первую часть «Очерков по теории чувственных восприятий». Последний параграф содержал краткое обсуждение вопроса о бессознательных умозаклучениях как механизме восприятия. «Очерки» выходили частями на протяжении 4 лет. А в 1862 г. книга была опубликована полностью с теоретическим введением к

ней. Здесь по существу была изложена программа Вундта, подразделявшая психологию на три основных направления: экспериментальная психологи, этническая психология и научная метафизика.

В 1863 г. увидела свет очень важная работа – «Лекции о душе человека и животных», содержащая введение ко многим проблемам экспериментальной психологии, разработка которых растянулась на долгие годы.

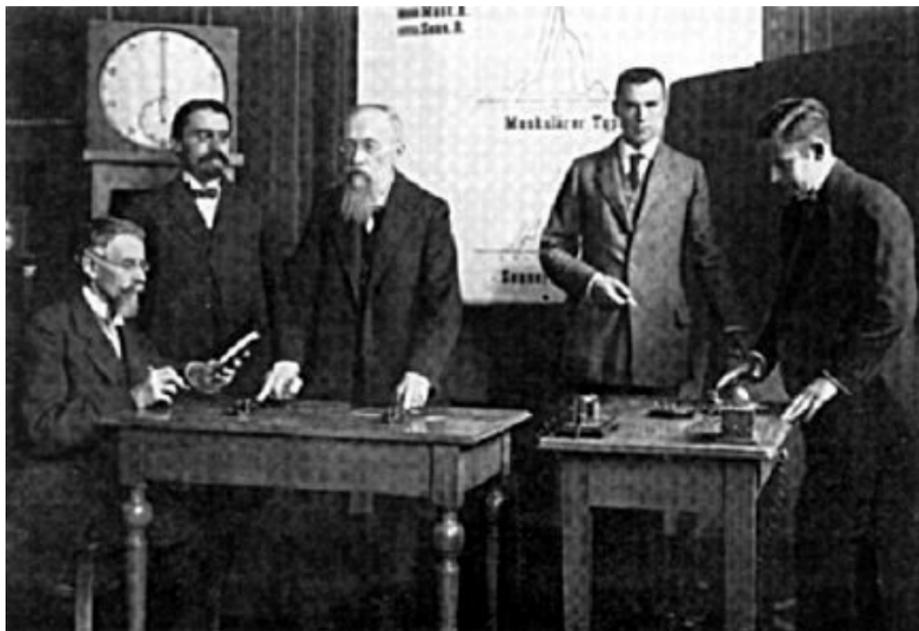
В 1867 г. Вундт начал читать лекционный курс по физиологической психологии, фактически положивший начало науке под таким названием. Полное изложение его концепции было дано в книге «Основания физиологической психологии» (в 2-х частях, 1873–74; при жизни Вундта увидело свет 6 изданий этой книги).

В 1874 г. Вундт получил приглашение на кафедру индуктивной философии в Цюрих. Рекомендацию ему дал Гельмгольц; в ней он подчеркивал, что философия должна опираться на естественные науки.

В Цюрихе Вундт проработал недолго. Уже в следующем году он становится профессором кафедры философии Лейпцигского университета. Отныне Лейпцигу предстояло на несколько лет стать колюбелью и столицей мировой психологии.

В 1879 г. состоялось открытие небольшой лаборатории. Оборудование ее составляли несложные приборы для экспериментальной работы, довольно скромной по масштабам.

Неожиданно для вундта лаборатория вызвала огромный интерес. В ней собралась группа сотрудников, впоследствии сыгравших важную роль в развитии экспериментальной психологии. Это были ученые не только из Германии (Э.Крепелин, О.Кюльпе, Э.Мейман и др.), но и из Америки (Г.С. Холл, Дж. М.Кеттелл и др.) и других стран, в том числе из России. Через два года лаборатория превратилась в Психологический институт. А в 1883 г. стал выходить первый научный психологический журнал, первоначально носивший название «Философские исследования» (сказывалась давняя традиция развития психологии в рамках философии), измененное в 1905 г. на более адекватное – «Психологические исследования».

В. Вундт (сидит) с сотрудниками в лаборатории

Психологическая концепция Вундта была по сути структуралистской. Он пытался применить естественнонаучный метод в анализе осознаваемого внутреннего опыта, окрестив его «мыслительной материей» и стараясь выявить и описать его простейшие структуры. Таким образом, сознание было разбито на психические элементы, подобно тому как материя делится на атомы. В качестве таких элементов для Вундта выступали ощущения, образы и чувства.

Вундт, в отличие от многих психологов XX века, проживших наполненную яркими событиями жизнь, вел жизнь

скромную, упорядоченную и размеренную. Будучи весьма популярным лектором (лекции он читал без конспектов), публичных выступлений не любил, а участия в каких-либо конгрессах просто избегал.

По словам Х.Гефдинга, «история жизни Вундта – это история его научных работ». А важнейший ее итог – институционализация психологии в качестве самостоятельной науки.

Умер Вильгельм Вундт 31 августа 1920 г. в собственном доме в Гросботоне под Лейпцигом.

В его лаборатории ныне находится музей, известный психологам всего мира.

Й. Брейер
(1842–1925)

История богата парадоксами. Например, гигантский материк в Западном полушарии был, как известно, открыт от-важным генуэзским мореплавателем, который, однако, сам до конца своей жизни, кажется, не отдавал себе отчета в масштабах своего открытия. А название материк получил по имени другого мореплывателя. Америго Веспуччи также, бесспорно, был личностью выдающейся. Однако новый континент был открыт все-таки не им, а Колумбом. Веспуччи лишь прошел по его стопам, тщательно исследовал дальние берега и описал свои путешествия в письмах, поразивших воображение современников. С легкой руки лотарингского картографа Вальдземюллера ему и было приписано открытие Америки, которая с той поры и называется его именем.

В истории психологии нечто подобное происходило не раз. Например, эпохальные открытия Торндайка и Уотсона, давшие жизнь новому научному направлению – бихевиоризму, фактически воспоследовали за аналогичными изысканиями Уолтера Пилсбери, которому по справедливости и следовало бы отдать в этой сфере приоритет.

Но самый впечатляющий парадокс такого рода принадлежит, пожалуй, истории психоанализа, и знакомство с ним позволяет лишний раз убедиться в справедливости утверждения: «Все верное в открытиях Фрейда отнюдь не ново, а все новое – вряд ли верно». При всех лаврах, собранных Фрейдом на протяжении прошедшего столетия, Колумбом психоанализа по справедливости следовало бы признать не

его, а его старшего товарища Йозефа Брейера. Недооценка Брейера в истории науки связана, вероятно, с тем, что и он, подобно Колумбу, не отдавал себе отчета в масштабах своего открытия и спокойно уступил первенство младшему коллеге. К тому же Брейер не признавал того сексуального «суса», которым Фрейд обильно сдабривал его открытие и который в итоге превратился в основное блюдо психоаналитической гастрономии. Дабы разобраться в тонкостях этой кухни, рассмотрим внимательнее фигуру Йозефа Брейера и его вклад в становление психоанализа.

Йозеф Брейер родился 15 января 1842 г. в Вене. Он рано потерял мать и воспитывался бабушкой по материнской линии. Впрочем, и его отец, Леопольд Брейер, внес в его воспитание немалый вклад. Начальную школу мальчик не посещал, а вместо этого занимался под руководством отца. Судя по всему, такое домашнее образование отличалось высоким уровнем. В возрасте восьми лет Йозеф был принят в Венскую Академическую гимназию, которую закончил с отличием в 1858 г.

Высшее образование Брейер получил на медицинском факультете Венского университета, где учился у физиолога Эрнста Брюкке и терапевта Йоханна Оппольцера. В 1864 г. он окончил университет и получил степень доктора медицины. Несколько лет он проработал ассистентом Оппольцера, а после его смерти занялся частной практикой. В течение 10 лет – с 1875 по 1885 г. – он также преподавал в университете

в должности доцента. Эту должность он оставил, объясняя свое решение тем, что ему недостает клинического материала и вследствие этого лекции даются ему с трудом (поистине достойный шаг, на который способен не каждый). Когда Брейеру предложили звание экстраординарного профессора, он по той же причине это предложение отверг, заявив, что не считает себя достойным этого почетного звания. Доводилось вам что-то подобное встречать в наши дни?

В 1868 г. Брейер женился и до конца дней жил счастливой и благополучной семейной жизнью. В своей краткой автобиографии, написанной незадолго до смерти, он писал: «Если ко всему написанному еще добавлю, что я был счастлив в семейной жизни, что моя любимая жена одарила меня пятью прекрасными детьми, ни одного из которых я не потерял и ни с одним из которых у меня не было серьезных проблем, то, наверное, я могу назвать себя счастливецом.» Не этим ли простым фактом объясняется то недоверие, которое Брейер испытывал к извращенческим фантазиям Фрейда? И кому можно больше позавидовать – полузабытому Брейеру, прожившему благополучную и счастливую жизнь, или вознесенному на пьедестал Фрейду, чья пламенная страсть к юной невесте превратилась в разочарование матерью своих детей, чьи инфантильные комплексы и завихрения неутоленной похоти нам по сей день приходится брезгливо примеривать на себя?

С Фрейдом Брейер познакомился на профессиональной

почве и, похоже, проникся к нему симпатией, усмотрев в нем подающую большие надежды творческую натуру. Несмотря на значительную разницу в возрасте (Брейер был на 14 лет старше) их эпизодическое профессиональное общение переросло в сотрудничество и даже личную дружбу. В письме невесте, Марте Бернайс, Фрейд писал: «Разговаривать с Брейером – все равно что греться в солнечных лучах; он просто излучает свет и тепло. Это поистине солнечная личность и я никак не могу представить, что такого он мог найти во мне, чтобы так по-дружески со мной обращаться. Будет не совсем точно, если мы ограничимся перечислением его достоинств, так как необходимо просто сказать, что у него вообще отсутствует что-либо плохое или недоброе». Правда, Брейер в этом тандеме явно занимал старшую, почти отеческую роль (тогда как у Фрейда с исполнением сыновней роли всегда были связаны подавленные терзания). Брейер выступал для Фрейда не только профессиональным наставником, но и покровителем в быту. Молодой доктор Фрейд был сильно стеснен в средствах, порой буквально перебивался с хлеба на воду и вынужден был отказывать себе в элементарных удобствах. Великодушный Брейер бескорыстно ссужал его деньгами, по-отечески приглашал к себе домой отобедать и даже... принять ванну. Кстати, последнее было по тем временам очень широким жестом. Брейер жил в доме с водопроводом, а это было роскошью в городе, где даже люди с приличным достатком заказывали себе для мытья чаны

нагретой воды, которые им приносили на дом, или нанимали отдельный кабинет в ближайшей бане. В еще одном письме невесте (за годы помолвки их было написано около тысячи) Фрейд восторженно описал ванную Брейера и пообещал, что у них тоже будет такая «и неважно, сколько на это понадобится лет». (Голова идет кругом при мысли о том, в какой роскоши, недостижимой в свое время для Фрейда, мы сегодня живем, да еще при этом продолжаем занудливо жаловаться на скудость своего быта.)

Как врач Брейер имел очень высокую репутацию. Ему принадлежало несколько немаловажных научных открытий – он открыл механизм рефлексов, управляющих дыханием, и выяснил много важного о вестибулярном аппарате и его функции поддержания равновесия человеческого тела. Брейер был домашним врачом многих выдающихся личностей Вены, с которыми его помимо профессиональных связывали и близкие личные отношения. Особенно тесные узы были у Брейера с семьями Вертхаймштайн и Гомперц, в салонах которых вращались звезды живописи, музыки и науки. Многолетняя дружба связывала его с австрийской писательницей Мари фон Эбнер-Эшенбах, известной у нас главным образом своими блестящими афоризмами. («Самая непоправимая беда – беда воображаемая» – это ее слова.)

Иногда Фрейд ходил вместе с Брейером к его больным и потом они обсуждали наиболее интересные случаи. Одной из пациенток Брейера была Берта Паппенгейм, несчаст-

ная дочь богатых родителей, страдавшая уникальным комплексом нервно-психических расстройств. В клинической картине этого случая причудливо сочетались кошмары, галлюцинации, раздвоение сознания, провалы памяти, беспричинные приступы гнева, необъяснимо возникающая глухота и даже паралич. Ни у одного человека ни до этого, ни после не наблюдалось такого сочетания симптомов. Тем не менее именно этот случай считается в психоанализе классическим, и почему-то очень немногие задумываются о том, что его исключительность сводит на нет его полезность для теории. По некоторым версиям, достоверность которых сегодня невозможно убедительно ни опровергнуть, ни подтвердить, в основе сложного симптомокомплекса лежали органические нарушения, что и вовсе развеивает психоаналитическую легенду. В описании Брейера и Фрейда речь идет о значительных улучшениях в состоянии пациентки, едва ли не о полном излечении. Хотя согласно данным, полностью обнародованным лишь недавно, несчастная Берта Паппенгейм всю жизнь провела в скитаниях по психиатрическим клиникам и санаториям и умерла в том же плачевном состоянии, от которого ее когда-то лечили. А точнее – недолечили или просто не вылечили, потому что лечили не от того и не так.

Берта Паппенгейм – она же Анна О.

Брейер лечил пациентку два года – в 1880–1882 гг. Он посещал ее каждый день (один исследователь подсчитал, что он провел с нею тысячу часов) и обнаружил, что после обеда она становится сонной и впадает в некое подобие транса, который он назвал самогипнозом. В этом состоянии она часто рассказывала ему о своих фантазиях – «печальных историях». Сама Берта называла эти встречи «прочисткой дымовой трубы», а Брейер называл свой метод катарсисом, то есть очищением, освобождением от ущемленного аффекта.

Фрейд никогда не был знаком с Бертой Паппенгейм (по странному стечению обстоятельств с ней была довольно близко знакома его невеста), о ее странном случае он узнал из рассказов Брейера в 1882 г. По настоянию Фрейда Брейер опубликовал некоторые результаты лечения в предварительном сообщении «О психическом механизме истеричных феноменов». Сам Фрейд начал использовать катартический метод в 1889 г. Результаты наблюдений Брейера и Фрейда были опубликованы в их совместной работе «Этюды об истерии».

Интересна судьба этой книги, с которой фактически началась карьера Фрейда. Главы, написанные Брейером, не попадают в собрание трудов Фрейда, а одно из сравнительно недавних изданий книги вообще появилось на свет в таком виде, что первым автором на титульном листе указан Фрейд.

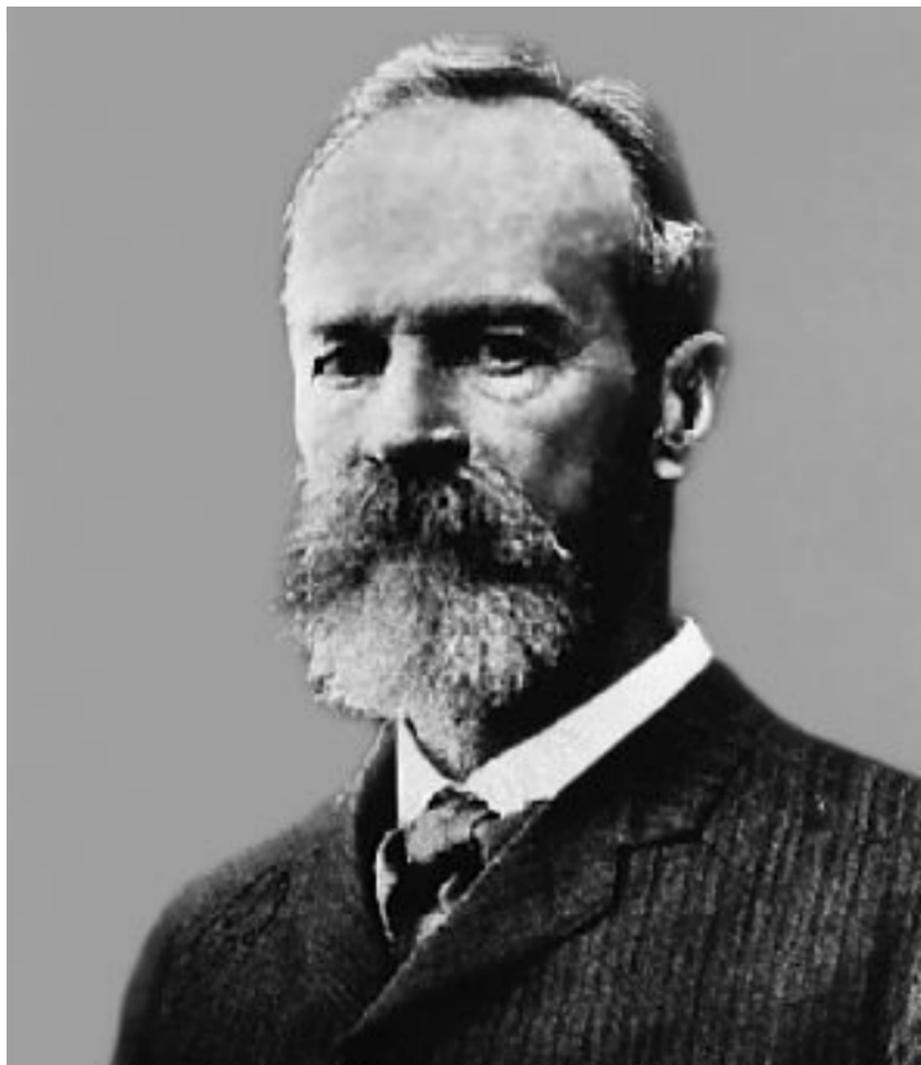
Впрочем, это явление объяснимо. Теоретические подходы соавторов к пониманию добытого опыта существенно различались. Брейер, хотя он и сам указывал Фрейду на немаловажную роль сексуальных мотивов в возникновении невротических расстройств, не желал согласиться с мнением Фрейда об исключительной роли этих мотивов. Объединяло их, пожалуй, только общее мнение о том, что истерички (именно к таковым была отнесена Берта Паппенгейм) большей частью страдают от реминисценций (пережитого прежде травматического опыта), и психотерапевтический эффект может быть достигнут путем отреагирования подавленного («ущемленного») аффекта. По сути дела, из этих постулатов, которые трудно оспорить, и выросло психоаналитическое учение. Вот только приоритет Фрейда тут представляется крайне спорным.

Столкновения между Брейером и Фрейдом из-за различных взглядов на проблему этиологии неврозов привели к отчуждению между ними. В «Автобиографии» Фрейд пишет: «Создание психоанализа стоило мне дружбы с Брейером». И еще: «Признание сексуальной этиологии явно шло против его желаний». Правоверные фрейдисты на этом основании даже утверждают, что Брейер был первым, кто принялся бессознательно защищаться от нежелательных психоаналитических откровений. Впрочем, выбор тут невелик – либо стать психоаналитиком, либо его пациентом, либо просто дистанцироваться от этой сомнительной теории. Брейер предпочел

последнее. После разрыва с Фрейдом он полностью отдался своей обширной практике терапевта и более не возвращался к исследованиям неврозов. Умер Йозеф Брейер в Вене 20 июня 1925 г.

Сегодня о нем, сказавшем в психоанализе самое главное, вспоминают нечасто. А имя Фрейда гремит. Похоже, людям в самом деле наиболее интересны альковные секреты. А что это, по Фрейду, значит?..

**У. Джемс
(1842–1910)**

«Уильям Джемс возвышается в истории американской мысли – без сомнения, это наиболее выдающийся психолог нашей страны», – писал о своем старшем коллеге американский психолог Гордон Оллпорт. Идеи Джемса, чрезвычайно популярные на рубеже веков, впоследствии оказались в тени набиравших силу психоаналитических и бихевиористских концепций. Сегодня его труды переиздаются и привлекают все большее внимание исследователей. Оказалось, что многие современные представления о душевной жизни предвосхищены пионером американской психологии.

Уильям Джемс родился 11 января 1842 г. в Нью-Йорке. Его дед, протестант кальвинистского толка, эмигрировал в Америку из Ирландии в 1798 г. и нажил неплохое состояние, удачно вложив свои средства в строительство Эриканала. Отец Уильяма – Генри Джемс старший – снискал известность на ниве теологии. У Уильяма была сестра и трое братьев, один из которых – писатель Генри Джеймс¹ – не ме-

¹ Имена и фамилии зарубежных ученых пишутся по-русски в соответствии с определенной сложившейся традицией. При этом возникает противоречивая ситуация, когда относительно написания имен их известных родственников существует иная традиция. Так, в данном случае фамилия психолога традиционно пишется Джемс, тогда как его брат-писатель известен как Джеймс. (Впрочем, сегодня иные отечественные авторы и издатели, вероятно – не знакомые с вековой традицией, и психолога именуют Джеймсом, из-за чего порой возникает путаница.) И это не единственный подобный случай. В Большой Советской Энциклопедии мы можем прочесть о писателе О.Хаксли – внуке естествоиспытателя Д.Гексли (Huxley) и т. п. Вероятно, целесообразно придерживаться однажды принятого написания, даже если оно не представляет собой точной транскрипции (в конце концов, и Фрейда правильнее именовать Фройдом, однако подоб-

нее своего брата-ученого прославился своими литературными трудами.

В становлении личности Уильяма огромную роль сыграл его отец. Человек религиозный, он был чужд ортодоксального догматизма и всячески поощрял в своих детях независимость суждений. Джемс-старший полагал, что каждому из его детей предстоит самому выбрать свой путь в жизни и достойно пройти его, опираясь главным образом на собственные силы. В доме часто бывали интересные люди, велись философские беседы. Юный Уильям далеко не всегда находил в рассуждениях старших ответы на интересовавшие его вопросы, однако сама атмосфера этих встреч не могла не способствовать его интеллектуальному росту.

По мнению Джемса-старшего, в Европе в те годы можно было получить гораздо лучшее образование, чем в Америке. К тому же хорошее образование обязательно предусматривает свободное владение иностранными языками, а язык, как известно, лучше усваивается там, где на нем говорят. В результате для Уильяма и его брата Генри школьное образование вылилось в путешествие по Европе, где они за пять лет сменили несколько частных школ в Англии, Франции, Германии и Швейцарии. В эту пору оформились интересы Уильяма. С одной стороны, он испытывал тягу к естественным

ные попытки иных современных психологов скорее производят впечатление наивного нонконформизма). Иначе возникают досадные разночтения. Так, в психологических изданиях последних лет мы встречаем фамилии Сакс, Шах, Сас (Sachs); Ганье, Ганэ, Гэгни (Gagne) и др.

наукам, с другой – еще более сильное увлечение искусством, особенно живописью.

К желанию сына стать художником Джемс-старший отнесся неодобрительно, однако его занятиям препятствовать не стал. Впрочем, вскоре Уильям и сам осознал, что его способностей достаточно лишь на то, чтобы стать весьма посредственным живописцем. Такая перспектива его не прельщала, и он скрепя сердце отказался от художественной карьеры. Тем не менее художественные склонности впоследствии проявились и в его научной деятельности – в пристальном внимании к деталям, в стремлении к изяществу стиля.

В 1861 г. Джемс поступил в Гарвардский университет. Он начал учиться на химическом факультете, но вскоре занялся сравнительной анатомией и физиологией. В 1864 г. он перешел на медицинское отделение, хотя с самого начала не намеревался стать практикующим врачом (вероятно в силу этого медицинские дисциплины он изучал без энтузиазма). В 1865–1866 гг. вместе со своим научным руководителем Л. Агасси он принял участие в исследовательской экспедиции в Бразилию. Главным итогом экспедиции явилось катастрофическое ухудшение здоровья Джемса. Так впервые резко проявилась слабость его организма, доставлявшая ему и впоследствии немало огорчений: из-за ухудшения здоровья порой приходилось прерывать научную работу, а периодические поездки в Европу каждый раз, хотя бы отчасти, были продиктованы необходимостью лечения.

Именно такая ситуация побудила Джемса отправиться в 1867 г. в Германию. Немалую роль сыграло стремление поправить здоровье, пошатнувшееся в экспедиции. Не менее важным явилось желание совершенствоваться в области экспериментальной физиологии.

В июне 1869 г. Джемс получил ученую степень по медицине. Перед ним открывалась возможность академической карьеры. Однако из-за затянувшейся болезни к работе в университете он приступил лишь 3 года спустя. Ослабленность организма усугублялась глубокой депрессией. На протяжении долгого времени Джемс испытывал обостренное ощущение собственной никчемности, несколько раз предпринимал попытки самоубийства. Однако именно мировоззренческие искания, которые привели его в столь плачевное состояние, позволили ему в конце концов и справиться с депрессией. Усилием воли Джемс сознательно положил конец душевным терзаниям. «Моим первым актом свободной воли будет верить в свободную волю. Оставшуюся часть года я буду намеренно культивировать чувство моральной свободы», – записал он в своем дневнике.

На мироощущении Джемса весьма положительно сказалась и женитьба на Алисе Хоу Гиббенс. По оценкам биографов, это событие придало ему оптимизма и жизненных сил.

В 1873 г. он начал преподавать в Гарварде анатомию и физиологию, в 1875 г. – психологию, в 1879 г. – философию. Такая последовательность не отражает эволюции научных при-

страстей Джемса. Философия всегда была для него первична, а решение любого конкретного вопроса в той или иной области знания тесно увязано с более общими философскими проблемами.

Среди пионеров психологии Джемсу принадлежит особое место. Он не является основоположником психологической школы или системы. По существу, им обозначен целый ряд перспективных линий развития новой, формировавшейся отрасли. «Не прорабатывая деталей. Джемс наметил четко обрисованный широкий план, показывающий другим, в каких направлениях двигаться и как делать первые шаги», – писал о вкладе джемса английский психолог Р. Томсон, автор одной из известных книг по истории психологии.

Оценивая состояние современной ему психологии, Джемс полагал, что научной психологии пока не существует. Эта область пребывает в ожидании своего Галилея, который преобразует ее в науку. Свою задачу Джемс видел в том, чтобы, следуя аналитическому методу непосредственного самонаблюдения, изучать «первичные данные» – душевные явления в их целостности и связи с обуславливающими их физиологическими процессами.

Наиболее полно психологические взгляды Джемса изложены им в двухтомной монографии «Принципы психологии», увидевшей свет в 1890 г. Сокращенный вариант этого труда в виде учебника психологии вышел два года спустя (в русском переводе – в 1922 г.; новое издание – 1991 г.).

Психологические воззрения Джемса энциклопедичны: в поле его зрения оказывается широкий спектр явлений психической жизни – от функционирования мозга до религиозного экстаза. Причем на всех уровнях его подход отличается гармонией научной глубины и блестящего стиля изложения. Возможно, с этим связан неослабевающий интерес, с которым читают книги Джемса как психологи-профессионалы. Так и обычные читатели.

Центральным в психологии Джемса является понятие сознания, которому он дал оригинальную интерпретацию. Он писал о потоке сознания, подчеркивая динамизм душевных явлений, рассматривая их как постоянно сменяющие друг друга неповторяемые состояния. Если до Джемса сознание представлялось как сумма отдельных элементов (так называемый структурализм), то им в качестве первичного факта выделяется поток сознания как непрерывная динамичная целостность. Членить ее – то же, что резать ножницами воду. «Традиционная психология описывает дело так, будто река состоит из ведер, чаш, бадеек и других емкостей, содержащих воду. Даже если бы ведра и кастрюли действительно стояли в потоке, между ними продолжала бы течь свободная вода. Именно эту свободную воду сознания психологи решительно не замечают».

Неослабевающий интерес привлекает теория личности, разработанная Джемсом. Он выступил сторонником широкого определения личности, выделяя ее физический, соци-

альный и духовный компоненты. Его представления о личности оказали большое влияние на становление многих областей персонологических исследований, в частности работ по изучению самосознания, самооценки, уровня притязаний.

Одна из наиболее ярких и широко известных страниц психологии Джемса – его теория эмоций. Эта теория была почти одновременно разработана независимо друг от друга двумя учеными – Джемсом в 1884 г. и датским анатомом К. Ланге в 1885 г. – и вошла в историю науки под названием теории Джемса-Ланге. Вот ее классическая формулировка, данная Джемсом: «...Мы опечалены, потому что плачем; приведены в ярость, потому что бьем другого; боимся, потому что дрожим...» Такой парадоксальный подход породил оживленную научную дискуссию, которая не стихает по сей день и сама по себе свидетельствует о наличии в этой теории рационального компонента.

Психологические изыскания Джемса носили не только умозрительный характер. В 1892 г. им совместно с Г. Мюнстербергом была основана первая в США лаборатория прикладной психологии.

В 1894 г. Джемс был избран президентом Американской Психологической Ассоциации. В этом отразилось признание научной общественностью его роли в институционализации психологии в качестве самостоятельной науки, отличной как от неврологии, так и от философии.

В 1906 г. Джемс оставил Гарвард. Но до конца жизни

он продолжал писать, выступать с лекциями. Его выступления были главным образом посвящены прагматизму – основанному им философскому направлению, рассматривавшему практическую пользу как критерий истины. Оригинальные идеи и блестящий стиль изложения снискали ему широкую популярность.

Уильям Джемс умер от инфаркта 26 августа 1910 г. Его идеи продолжают вдохновлять все новые поколения психологов.

Дж. Сёлли (1843–1923)

История психологической мысли на многочисленных примерах убеждает в правоте избитой истины: новое – это хорошо забытое старое. Современные психологи нередко «изобретают велосипеды», сконструированные давным-давно, – в чем нетрудно убедиться, перелистав пожелтевшие страницы забытых книг. Сегодня лишь немногие энтузиасты знают имена пионеров мировой психологии, а их труды вековой давности пылятся невостребованные на библиотечных полках. Среди таких фигур – основатель английской детской психологии Джеймс Селли², чьи идеи были очень популярны на рубеже 19–20 веков во всем просвещенном мире, в том числе и в нашей стране, а ныне прочно забыты. Так давайте сдуем пыль с вековых страниц и познакомимся с ученым, проложившим тот путь, которым сотни и тысячи исследователей следуют поныне.

В 1843 г. в небольшом городке Бриджуотер в семье ком-

² Именно такое написание английской фамилии Sully было принято в переводах работ ученого на русский язык, вышедших в конце 19 – начале 20 в. В наши дни знатоки транскрипции наверняка назвали бы его Салли – подобно тому, как Соломон Аш ныне именуется Эш, Джемс – Джеймс, да и Фрейда скоро повсеместно начнут звать Фройдом. Но про Селли сегодня вряд ли вспомнят, так что можно безбоязненно последовать вековой традиции.

мерсанта появился на свет девятый (и далеко не последний) ребенок – Джеймс Селли, ставший впоследствии одним из лидеров британской психологии.

Из автобиографии Селли «Моя жизнь и мои друзья. Воспоминания психолога», изданной им на склоне лет, мы узнаем, что первоначальное образование он получил, закончив Йоувильский частный колледж, а затем по настоянию отца занялся коммерцией и посвятил этому делу три года своей жизни. Подешевле купить, подороже продать – упоительное занятие для людей определенного склада. Селли к таким людям явно не принадлежал. В конце концов он забросил спекуляцию и отправился в Лондон, чтобы продолжить свое образование. Кроме традиционного для той поры изучения древних языков основное внимание он уделял знакомству с трудами Дж. С.Милля, Г.Спенсера, А.Бэна. В 1866 г. он получил степень бакалавра философии. Для завершения своего философского образования он в 1867 г. отправился в Германию, в Геттингенский университет. По возвращении домой год спустя он получил ученую степень магистра. Одним из его экзаменаторов выступил его кумир А.Бэн, по предложению которого соискатель был награжден золотой медалью. По протекции Бэна Селли также начал сотрудничать с редакцией «Двухнедельного обозрения» (*Fortnightly Review*), в котором в дальнейшем были опубликованы несколько его статей по проблемам философии и психологии.

Психологическая проблематика все более увлекала Сел-

ли, однако он понимал, что для занятий в этой сфере ему недостает естественнонаучной подготовки. В ту пору психология оформлялась в качестве самостоятельной науки на пересечении философской мысли и биологических знаний. Убедившись в недостаточности своих знаний по физиологии, Селли решил вновь отправиться в Германию – в знаменитую школу физиологической психологии В.Вундта.

Еще в начале 60-х гг. у Селли возникло увлечение эволюционной доктриной Г.Спенсера. Его мечтой было написать статью об эволюции в очередное издание Британской энциклопедии. Творческие планы часто осуществляются, но редко – в полном соответствии с замыслом. В девятом издании Британской энциклопедии появилась статья Селли об эволюционных взглядах Т.Гексли³, а также статья «Мечты» – скорее научно-популярная, чем справочно-энциклопедическая. Бэн, в целом благоволивший к молодому ученому, к этим его работам отнесся прохладно. Зато пришли положительные оценки от Т.Рибо из Парижа, Р.Авенариуса из Лейпцига и нескольких других выдающихся ученых той поры. Большое значение имела для Селли оценка, которую Ч.Дарвин дал его статье об эволюции: «Я прочитал ее с величайшим удовольствием и очень сожалею, что она не была опубликована раньше, тогда бы я мог извлечь пользу для решения сво-

³ Еще один забавный пример традиционного написания иноязычных имен. Английский естествоиспытатель Huxley известен у нас как Гексли, хотя его внук-писатель, носящий ту же фамилию, получил известность уже как Хаксли.

их проблем».

Свой первый научный труд «Чувства и интуиция» (1874) Селли начал с главы, посвященной проблеме эволюции. Фактически он следовал традиции британской школы Дж. С.Милля и А.Бэна, которую он «усовершенствовал» эволюционным подходом Г.Спенсера. Л.Херншоу, автор книги «Краткая история психологии Великобритании. 1840–1940», назвал психологию Дж. Селли «систематизированной и поставленной на эволюционный фундамент».

Три года спустя Селли издал вторую книгу, «Пессимизм», более философскую по своему содержанию – в ней он проанализировал взгляды А.Шопенгауэра и В.Гартмана. Эта публикация стоила ему должности заведующего кафедрой философии в Ливерпуле – попечительский совет, заметив лишь название книги и не вникая в ее содержание, посчитал автора пессимистически настроенным, а потому не достойным преподавать философию юношеству.

Селли продолжил педагогическую деятельность в различных учебных заведениях Лондона, читая лекции по теории образования, по вопросам психологии искусства, по психологическим основам проницательности. (Небезынтересно отметить, что преподавательские заработки и гонорары на протяжении долгих лет не позволяли ученому сводить концы с концами, так что уже в зрелом возрасте он был вынужден пользоваться материальной поддержкой отца). Селли был увлечен проблемой сущности и причин возникновения

иллюзий. Он провел множество оптических экспериментов, результаты которых обобщил в книге «Иллюзии» (1881). В этой работе он рассмотрел причины возникновения иллюзий, которые, по его мнению, заключались в особенностях восприятия человеком неясных форм видимого объекта, вызывающих игру капризной фантазии. Параллельно он детально изучил не только иллюзии зрительного восприятия, но и мечты, грезы, галлюцинации. Характерно, что этот труд Селли вызвал большой интерес у З.Фрейда и был им высоко оценен. А В.Вунд прислал автору письмо, в котором подчеркивал свое согласие с его гипотезой о том, что иллюзии следует рассматривать по аналогии с ошибками памяти. В России данная книга, в отличие от двух предыдущих, не была переведена.

По просьбе своих студентов Селли написал учебник по психологии для будущих педагогов. Это была его основная работа, обобщившая главные представления и взгляды Селли-психолога. «Очерки психологии» писались в течение трех лет и, по воспоминаниям автора, с трудом нашли издателя. Книга увидела свет в 1884 г., а позднее переиздавалась в сокращенных вариантах – под названием «Человеческий разум» (1892) и «Учебник психологии для учителей» (1886). В России данный труд Селли был переведен и опубликован в Петербурге в 1887 г. под названием «Основные начала психологии и ее применения к воспитанию». Впоследствии книга переиздавалась в нашей стране еще трижды (четвертое из-

дание вышло в 1908 г.).

В этой работе автор изложил свой взгляд на концепцию образования и воспитания, которая во многом опиралась на идеи А.Бэна, но вместе с тем содержала и новые подходы к решению ряда проблем.

Селли развел понятия образования и воспитания. Под образованием он понимал систематизацию знаний, а под воспитанием – сознательное воздействие на ребенка, опирающееся за законы развития его психики. Принципы воспитания базируются на данных двух наук – физиологии и психологии. Исходя из данных физиологии строятся подходы к физическому воспитанию, психология же закладывает основы духовности, то есть воспитания интеллекта, эмоций и воли. В воспитании Селли выделял интеллектуальное, эстетическое и моральное направления, которые в свою очередь отвечали трем основным целям: логической (истине), эстетической (красоте) и этической (добру). Если первые две цели связаны с культивированием в человеке способностей к познанию и эмоциональному развитию, то третья развивает волевую сферу, совершенствует характер человека. Представления о воле, ныне совершенно выпавшие из поля зрения современных психологов, представляют, наверное, наиболее интересную часть концепции Селли. Волю он рассматривал в связи с действием. Известно, что начало мотивационного подхода к проблеме воли было положено еще Аристотелем. Но если у Аристотеля источник действия основывается не на

желании человека, а на разумном решении о его осуществлении, то Селли утверждал, что любое действие сопряжено с желанием, которое в свою очередь предполагает как необходимое условие своего существования эмоциональный и интеллектуальный компоненты и зависит от объема и характера воспроизведения в памяти прошлого опыта. Трактовка волевой сферы личности у Селли имела точки соприкосновения с учением о воле А.Бэна, о чем свидетельствует, в частности, идея о тренировке действий в результате неоднократно повторяющихся упражнений.

Особую ценность представляет мысль Селли о роли самоконтроля над поступками и побуждениями. Подчинение личного интереса общему делу он считал высшей стадией самоконтроля. Таким образом, проблема выбора соответствующих форм поведения вышла у Селли далеко за рамки простого порождения действия на уровень проблемы овладения собственным поведением. Ученый еще столетие назад поднял важный вопрос о механизмах саморегуляции.

Бич многих лекторов и ораторов – болезнь голосовых связок – поразил Селли особенно остро. Тем не менее, преодолевая недуг, он продолжал активную преподавательскую деятельность, читал лекции в университетах Кембриджа, Манчестера, других учебных заведениях, принимал активное участие в заседаниях Метафизического, Аристотелевского и Неврологического обществ.

В августе 1892 г. Селли принял активное участие во II

Международном психологическом конгрессе в Лондоне в качестве секретаря. Проведению конгресса предшествовала большая подготовительная работа. Президентом конгресса был Г.Сидвик – человек, придерживавшийся строго интроспективного взгляда на сущность психического; по этой причине на конгресс не были приглашены представители экспериментальной ветви психологической науки. Селли считал необходимым исправить положение дел. Он отправился в Германию, Австрию и другие страны, чтобы лично пригласить на конгресс Г.Эббингауза, В.Прейера, А.Бине и других известных психологов.

В том же году он получил назначение на должность заведующего кафедрой в университетском колледже в Лондоне. Этой работе он отдал последующие 11 лет жизни, пока ухудшающееся состояние здоровья не вынудило его уйти на покой. В 1897 г. он основал здесь первую в Англии психологическую лабораторию, приобретя оборудование у Гуго Мюнстерберга перед его эмиграцией в Америку. Одним из значительных его организационных достижений на этом поприще стало проведение в колледже 24 октября 1901 г. собрания, на котором было основано Британское психологическое общество. На момент основания общество насчитывало 10 членов, включая самого Селли.

Джеймс Селли по праву считается пионером научной детской психологии в Англии. Он был членом Британской ассоциации по изучению ребенка. Эта организация возникла

в Эдинбурге в 1894 г., ее создателями стали три женщины-педагога, которые, побывав в качестве делегатов Педагогического конгресса в Чикаго на секции по изучению ребенка под председательством Г.С. Холла, вернулись в Великобританию вдохновленные идеями американского психолога. Отделения ассоциации были затем открыты в Челтенхэме и Лондоне.

В ноябре 1895 г. увидела свет книга Селли «Изучение детства». Это был один из первых учебников по детской психологии – Селли опередили лишь В.Прейер в Германии и Г.С. Холл в Америке. Британское образование, по признанию современников, находилось в ту пору на весьма невысоком уровне. Еще в 1861 г. государственная комиссия констатировала низкую эффективность многих частных школ из-за отсутствия отлаженной системы элементарного обучения. Потребность в изменении существующего положения была очень велика. Англия тех лет остро нуждалась в квалифицированных педагогических кадрах, а следовательно – в учебных пособиях по детской и педагогической психологии. Появление книги Селли было весьма своевременным.

Первое издание этой книги в России вышло через шесть лет под названием «Очерки по психологии детства». Сочинение Селли заключало в себе множество примеров и было написано в легкой, доступной манере. Автор проанализировал ряд важнейших проблем в этой области знания: последовательных стадий усвоения речи, развития творческого во-

ображения, сущности детской игры, развития представлений о собственном Я, причин детских страхов, детской лжи и др.

В развитии мышления ребенка Селли выделил три стадии: понятие, суждение и умозаключение, или вывод. На первой происходит образование общих идей. Первые понятия у детей отвечают узким классам явлений и предметов, которые представляют для них особый интерес. Дети от года до 15 месяцев изобретают собственные слова и самопроизвольно расширяют с помощью аналогии смысл терминов, например, словом «яблоко» они называют другие плоды. С расширением опыта усиливается способность ребенка к абстракции, он начинает схватывать менее выдающиеся и более тонкие черты сходства. Работу детского мышления, связанную со сравнением предметов, Селли называл «трагизмом детства», потому что наивная уверенность ребенка в стройности и правильности мира сталкивается с беспорядочностью объективной реальности. Стремясь разобраться, упорядочить хаос, ребенок вступает в новый «период вопросов» к концу третьего года жизни. Селли разделил детские вопросы на три группы. В первую группу входили вопросы типа «Что?». Эти вопросы связаны с причудливой детской фантазией, обусловленной детским антропоморфным взглядом на мир, где все живые и неживые предметы имеют привычки взрослых людей. Другой тип детских вопросов относится к смыслу и причине вещей, его типичной формой является вопрос «Почему?» Селли считал, что стремление

узнать причину явления у ребенка инстинктивно по своей природе. Особенностью детского мышления на этом этапе является антропоцентрическое оценивание ребенком явлений природы в связи со служением человеку. В дальнейшем антропоцентрические воззрения у детей ослабевают и переходят в вопросы о назначении вещей, то есть малыш обращается к проблеме цели и пользы. Затем мысль маленького философа переходит к вопросу о происхождении. И здесь главной тайной для пытливого ума становится проблема исчезновения больших предметов (вопросы типа «Куда деваются весь ветер?»), бесконечного числа существующих вещей, проблема начала жизни.

Разумеется, считал Селли, вопросы ребенка нельзя оставлять без ответа, но «чтобы понимать детские вопросы и чтобы отвечать на них, требуется немалое искусство; для того и другого необходимы обширные и основательные познания и способность живо, симпатически вникать в душу спрашивающего ребенка». Вопросы, оставленные без внимания, разрушают драгоценную умственную деятельность ребенка.

Селли писал о том, что практически невозможно определить границы деления детского воображения на две формы – игру и мысль, ясно лишь, что с возникновением у ребенка способности классифицировать и обобщать окружающие предметы начинается его настоящая мыслительная деятельность. Позднее в опытах Ж.Пиаже было доказано, что дети до определенного возраста не умеют отличать субъективный

и внешний мир, они отождествляют свои представления с вещами объективного мира, то есть детские представления развиваются от реализма к объективности.

Несомненную ценность представляет разработанная Селли теория о трех стадиях детского рисования. Известно, что она получила высокую оценку В.М. Бехтерева. Селли полагал, что способность ребенка в области искусства, как и развитие языка, имеет «точки соприкосновения с явлениями первобытной культуры». Однако не следует ожидать полного параллелизма между «грубым искусством ребенка и примитивным искусством расы». Селли видел источник возникновения искусства первобытного человека в деятельности, напоминающей игру. В отличие от первобытного человека ребенок живет в условиях уже существующей культуры, взрослые дарят ему игрушки, поют песни, водят в театр. Ученый стремился выделить черты квази-эстетического чувства ребенка, то есть черты эстетического чувства «в чистом виде», без какого-либо воспитательного влияния. К ним он отнес предпочтение ребенком всего блестящего, позднее детям начинают нравиться предметы, имеющие яркий цвет. То, что ребенок трех-четырёх лет имеет пристрастие к определенному цвету, кажется вполне очевидным, однако опыты В.Прейера, А.Бине, Д.Болдуина и других не дают возможности однозначно заключить, какой именно цвет любим малышами больше всего (у Прейера – красный и желтый, у Болдуина – синий). Селли отмечал, что есть все основания «по-

лагать, что дети, как и не особенно интеллигентные взрослые, предпочитают сочетание таких цветов, которые отстоят в спектре далеко друг от друга, например, синего с красным или синего с желтым».

Что касается выбора форм, то он связан в первую очередь с удовольствием от красоты движения. Дети очень любят котят за их грациозные прыжки, вообще малыши предпочитают все маленькое. Селли полагал, что это связано с «ласкающей нежностью, в которой, в свою очередь, содержится некоторое чувство товарищества». Понятие о пропорциональности, симметрии, контуре развивается позднее, так как требует от ребенка определенной степени умственного развития. Селли отмечал, что дети более восприимчивы к ограниченным предметам. Вид бескрайнего моря или высокой горы вызывает у них чувство страха перед неизвестным.

Впервые услышанные звуки также вызывают у ребенка чувство страха, затем удивления и любопытства. Среди предпочтений ребенка Селли назвал большее расположение к высокому женскому голосу, а также пристрастие к ритму. Что касается стихов, то «ребенок любит только те, которые отличаются простым построением, звучным ритмом и краткостью стоп».

Большой научный интерес представляет творчество Селли в области изучения детских чувств, в частности причин возникновения детского страха. Свою задачу ученый видел в применении в данном вопросе «точных научных приемов».

Вслед за Дарвином Селли описал сопровождающие внешние признаки страха. Он обратил внимание, что причиной страха ребенка часто бывает внезапный громкий звук. Ученый полагал, что ухо человека «является тем органом чувств, посредством которого нервная система возбуждается сильнее всего и глубже всего». Зрительные формы страха возникают позднее и зависят главным образом от перемены привычной для ребенка обстановки, появления нового лица, незнакомого явления природы и др. Что касается появления у ребенка страха перед животными, то точки зрения Дарвина и Селли были различными. Если Дарвин понимал природу детского страха перед животными как унаследованную от предков, закрепленную жизненными условиями, то Селли считал причиной возникновения данного чувства отражение ребенком «поведения суеверных взрослых» или чрезвычайное развитие детского воображения. Боязнь темноты также связана с детским воображением. Эта проблема затрагивалась в работах многих авторов, в частности нашего соотечественника И.Сикорского, на которого Селли в своей работе ссылается. По мнению Селли, ощущение темноты тягостно само по себе, так как «темнота, скрывая видимый мир, вызывает в робком ребенке, который привык к своей обычной домашней обстановке, особое чувство чуждости и одиночества, удаленности от всего того, что он знает и любит». Селли подробно остановился на механизме возникновения фантастических образов в темной комнате. Он объяснил его

изменениями в функционировании сетчатки глаза, которые в свою очередь приводят к разнообразию оттенков темного поля зрения, что и создает эффект сочетания грубых темных неясных очертаний с более светлыми. Ученый рекомендовал родителям «побуждать детей исследовать темные комнаты и ощупывать, не видя, различные предметы; таким образом они могут освоиться с тем фактом, что вещи остаются неизменными даже тогда, когда они окутаны темнотой, и что темнота есть лишь наша временная неспособность видеть предметы». Среди важных условий, способствующих преодолению детского страха, Селли называл спокойную обстановку в семье. По его убеждению, у ребенка, растущего в атмосфере родительской любви, не возникает подобного чувства. Хорошим терапевтическим средством для преодоления страха он считал игру.

Селли интересовал и вопрос о причинах детской лжи, но сначала он предлагал уточнить содержание самого понятия «ложь». Он дал следующее определение: «Под ложью понимается утверждение, высказанное с полным сознанием его неправильности и с целью ввести кого-нибудь в заблуждение». (Если бы наш современник Пол Экман, посвятивший психологии лжи, в частности детской, несколько книг, удосужился сначала прочитать Селли, то многое, вероятно, написал бы по-другому, а то и вовсе не стал бы писать за ненадобностью.) Селли исследовал некоторые формы детской лживости, которые не считал возможным строго квалифициро-

вать как ложь. В основе неверного утверждения ребенка может лежать живая фантазия или сильное желание нравиться. Характер и причины детской лжи могут быть полностью раскрыты только при учете тех чувств, которые ребенок испытывает после сказанной им неправды. По мнению Селли, ложь едва ли является органично присущей человеческим существам. Ребенок, выросший в обществе, где взрослые говорят правду, не склонен лгать сам, причем независимо от нравственных наставлений. Только где его найти, такое общество?

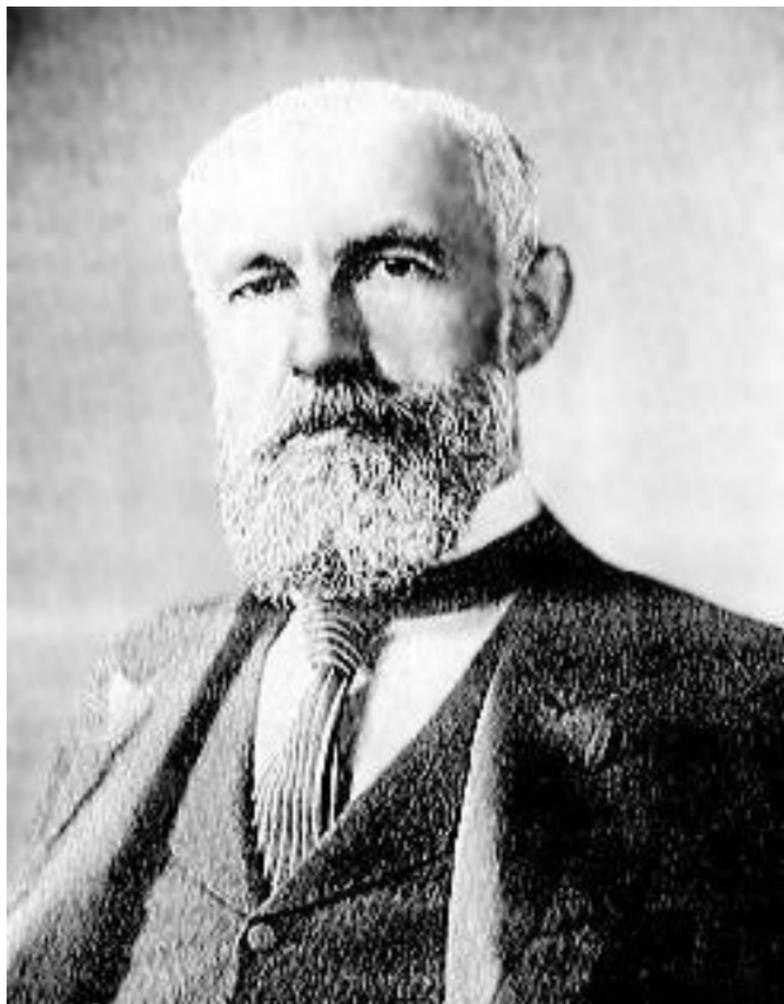
Круг научных интересов Селли был удивительно широк и разнообразен: от проблем педагогической психологии до вопросов, касавшихся эстетики. Последним научным трудом Селли было его исследование по проблемам смеха – «Очерк о смехе» (1902).

В 1903 г. в возрасте 60 лет Селли ушел из университетского колледжа. За последние двадцать лет жизни он написал только автобиографию – интереснейший источник по истории психологии, ныне мало кому известный ввиду слабого интереса нынешних психологов к самому этому предмету. Ухудшавшееся состояние здоровья не позволяло Селли принимать активное участие в общественной жизни, в работе психологической лаборатории университетского колледжа в Лондоне, организатором которой он был.

Умер Джеймс Селли в 1923 г. возрасте 80 лет. С той поры его труды, которыми когда-то зачитывались в Англии,

Америке, Франции, Германии, России, больше не переиздавались и мало кем перечитывались. А наверное напрасно...

**Г.С. Холл
(1844–1924)**

По признанию коллег, на заре становления психологической науки Стэнли Холл выступил покровителем и наставником для большего числа исследователей, чем любые три его самые выдающиеся современника вместе взятые. Новаторские начинания Холла во многом определили облик психологии XX века. Современные психологи хорошо знают его имя, однако упоминают его нечасто. Выступив пионером во многих областях, никакой собственной оригинальной теории он не создал, не основал научной школы, его труды в основном принадлежат истории и едва ли могут служить источником вдохновения для современных исследователей. Кем же был этот выдающийся американец, каков его подлинный вклад в науку?

Гренвилл Стэнли Холл (подобно многим другим сложным английским именам, имя Холла в обиходе употребляется в сокращенной форме, и многим он известен как Стэнли Холл) родился в феврале 1844 г. в небольшом городке Ашфилд, штат Массачусеттс, в семье небогатого фермера. Для своего круга его родители были весьма просвещенными людьми, и в то же время – весьма религиозными. В их мечтах будущее сына было связано с духовным саном. С малых лет мальчик воспитывался в атмосфере пуританской морали, наравне со взрослыми трудился на ферме. Его отличали высокое честолюбие и целеустремленность, еще подростком он дал себе зарок «достичь чего-нибудь в жизни», хотя еще смутно представлял перспективы своей карьеры. К его

негативному юношескому опыту можно, пожалуй, отнести лишь эпизод, относящийся к началу гражданской войны. Не желая рисковать жизнью сына, Холл-старший решил поступиться нравственными принципами и за взятку добыл медицинское заключение о его негодности к воинской службе. (Как видим, от армии «косили» и полтора века назад.) Узнав об этом, юноша испытал острый стыд. Впрочем, в его оправдание можно было бы сказать, что в университетских лабораториях он сумел принести больше пользы, чем если бы сумел заколоть пару соотечественников под Геттисбергом.

В 1863 г., следуя пожеланиям родителей, Холл поступил в колледж Уильямса, намереваясь посвятить себя духовной карьере. Учился он хорошо и к последнему курсу сумел собрать множество студенческих регалий. Не слишком увлекаясь богословием, он проявил повышенный интерес к философии, внимательно изучил эволюционную теорию, что впоследствии заметно повлияло на выбор его пути в науке. Однако процесс самоопределения был долгим и непростым. По окончании колледжа Холл все еще плохо представлял, чему он намерен себя посвятить. Скорее по инерции он поступил в Нью-Йоркскую семинарию, хотя пастырское поприще привлекало его все меньше. Прилежного семинариста из него не получилось, да и интерес к философии и биологии этому отнюдь не способствовал. Рассказывают, что, когда по завершении своей пробной проповеди Холл отправился к своему духовному наставнику выслушать его оценку, тот, не говоря

ни слова, опустился на колени и принялся молиться за спасение заблудшей души горе-проповедника.

Несмотря на столь сомнительные успехи, Холл получил протекцию со стороны известного проповедника Генри Бичера, который порекомендовал ему продолжить образование в Европе и добился выделения на эти цели стипендии в 500 долларов. Располагая столь крупной по тем временам суммой, Холл отправился в Германию, где поступил в Боннский университет, а затем перебрался в Берлин. Помимо философии и теологии, он по собственной инициативе принялся изучать физику и физиологию, некоторое время работал под руководством известного физиолога Дюбуа-Реймона. В эту пору Холл пережил несколько ярких романтических увлечений, что не очень способствовало усердной учебе. К тому же стипендия, поначалу казавшаяся огромной, быстро таяла, тем более что ее изрядная часть утекала сквозь пальцы в берлинских пивных. Понимая, что это не делает чести студенту-теологу, Холл некоторое время терзался угрызениями совести, пока однажды нос к носу не столкнулся в питейном заведении с одним из своих преподавателей, профессором богословия.

В 1871 г. в возрасте 27 лет Холл возвратился домой, так и не получив диплома и весь в долгах. В духовный сан он так и не был посвящен и окончательно отказался от этой стези после не слишком удачной попытки стать проповедником в сельском приходе. Больше года он жил частными уроками,

а затем получил место преподавателя в Антиохском колледже в штате Огайо. Здесь он преподавал литературу, иностранные языки, выполнял обязанности библиотекаря и даже руководил местным хором. Его честолюбивые юношеские устремления постепенно таяли.

В 1874 г. Холл познакомился с «Основами физиологической психологии» В.Вундта, и это стало поворотным пунктом в его карьере. Он перебрался в Кембридж, штат Массачусеттс, и устроился преподавателем английского языка в Гарвардский университет. Параллельно он с усердием принялся за продолжение своего собственного образования, близко сошелся с Уильямом Джемсом. В 1878 г. он представил к защите диссертацию, посвященную тактильному восприятию пространства. Успешно ее защитив, Холл первым в Соединенных Штатах получил докторскую степень в области психологии.

Затем последовала новая поездка в Европу, на сей раз – в лабораторию Вундта. Холл прилежно посещал все лекции, безропотно соглашался на роль испытуемого в экспериментах, пытался проводить собственные исследования. Впоследствии он, однако, отмечал, что эти занятия не оправдали его ожиданий. Обозревая собственные научные достижения Холла, действительно, следует признать, что Вундт на него особого влияния не оказал.

На родине перспективы профессиональной карьеры были весьма туманны. Психологов в Америке были единицы,

и никто толком не представлял, какая от них может быть польза. Холл понял, что у него не будет иного способа удовлетворить свое честолюбие, чем применить психологические знания в педагогике. Лейтмотивом его доклада на собрании Национальной педагогической ассоциации в 1882 г. была идея о необходимости сделать изучение психологии ребенка приоритетным в деятельности учителя. Эту мысль он не устал повторять при каждой возможности, и в конце концов она нашла отклик. Ректор Гарвардского университета предложил Холлу подготовить серию лекций по вопросам образования. На эти выступления поступило множество положительных отзывов, и на карьере Холла это сказалось очень благоприятно. Он был приглашен работать в Университет Дж. Хопкинса, где вскоре получил должность профессора. Здесь он приступил к созданию научной психологической лаборатории, которая считается первой в Соединенных Штатах. Впрочем тут приоритет Холла многие оспаривают. Еще раньше психологическая лаборатория была основана Уильямом Джемсом, однако она предназначалась в основном для демонстрации опытов, то есть была не научной, а учебной. Существенно и то, что университет никогда не причислял лабораторию Холла к числу своих подразделений: она была оборудована им за свой счет, принадлежала ему на правах частной собственности, и, покидая Университет Дж. Хопкинса в 1888 г., Холл все оборудование забрал с собой. (В годы работы лаборатории в ней прошли подготовку мно-

гие впоследствии известные специалисты, в частности Джон Дьюи и Джеймс Маккин Кеттелл).

В 1887 г. Холл основал «Американский журнал психологии» – первый в США специализированный журнал в данной области, который существует по сей день и сохраняет высокую репутацию. Журнал выполнял важную функцию консолидации усилий немногочисленных в ту пору американских психологов. Он был основан, благодаря пожертвованию некоего анонимного мецената. Правда, вскоре выяснилось, что жертвователю перепутал экспериментальную психологию с оккультизмом (удивительно живучее заблуждение!), и новых взносов на продолжение проекта не последовало. К тому времени, когда Холл продал это предприятие Карлу Далленбаху в 1929 г., он вложил в него 8000 долларов личных средств, не получив ни гроша прибыли. Тем не менее, несмотря на первоначальную финансовую несостоятельность этих проектов, Холл еще неоднократно выступал основателем психологических журналов. Им был основан также «Педагогический семинар», который, сменив название на «Журнал генетической психологии», существует по сей день, а также «Журнал прикладной психологии». С 1904 по 1915 г. Холл издавал «Журнал религиозной психологии».

В конце восьмидесятых в карьере Холла, да и в истории всей американской науки, произошел знаменательный поворот. Богатый предприниматель Джонас Гилман Кларк задумал

мал основать в своем родном городке Вустер, штат Массачусеттс, высшее учебное заведение, которое, по его честолюбивым замыслам, затмило бы все существовавшие ранее американские университеты. Стэнли Холл, который уже успел приобрести репутацию серьезного специалиста в области образования, был приглашен возглавить новый университет в должности его президента. Прежде чем занять этот пост, он предпринял длительное турне за границу, чтобы изучить деятельность европейских высших учебных заведений и пригласить во вверенный ему университет талантливых преподавателей и исследователей. Биографы Холла иронично отмечают, что помимо решения этой практической задачи он не упустил возможности использовать средства мецената на расширение собственной эрудиции за счет всевозможных экскурсий, а также не отказывал себе в развлечениях, в том числе и далеко выходявших за рамки пуританской морали той поры.

По возвращении на родину Холл с энтузиазмом принялся за организационную работу в университете, который официально открылся в 1888 г. и был назван по имени спонсора Университетом Кларка. Правда, и тут не обошлось без финансовых проблем: вопреки ожиданиям Холла мистер Кларк оказался довольно прижимист и разборчив в выборе проектов, достойных финансирования. Будучи человеком набожным, Кларк желал придать некоторый религиозный оттенок своему меценатству. Идя ему навстречу, Холл осно-

вал в рамках университета Школу религиозной психологии Кларка. Под влиянием своих юношеских штудий он и сам написал обстоятельный труд «Иисус Христос в свете психологии». Однако выдающийся психолог богословом, вероятно, был действительно никудышним. Его трактовка Христа как своего рода сверхчеловека встретила крайнее неодобрение церковных авторитетов.

Как президент университета Холл стоял на весьма прогрессивных для своего времени позициях. Вопреки бытовавшим предрассудкам он позволял занимать преподавательские должности женщинам и евреям, широко открыл двери университета для представителей национальных меньшинств. Первым чернокожим американцем, получившим докторскую степень по психологии, был его ученик Френсис Самнер. Впоследствии он сделал блестящую карьеру и возглавил отделение психологии в Гарварде.

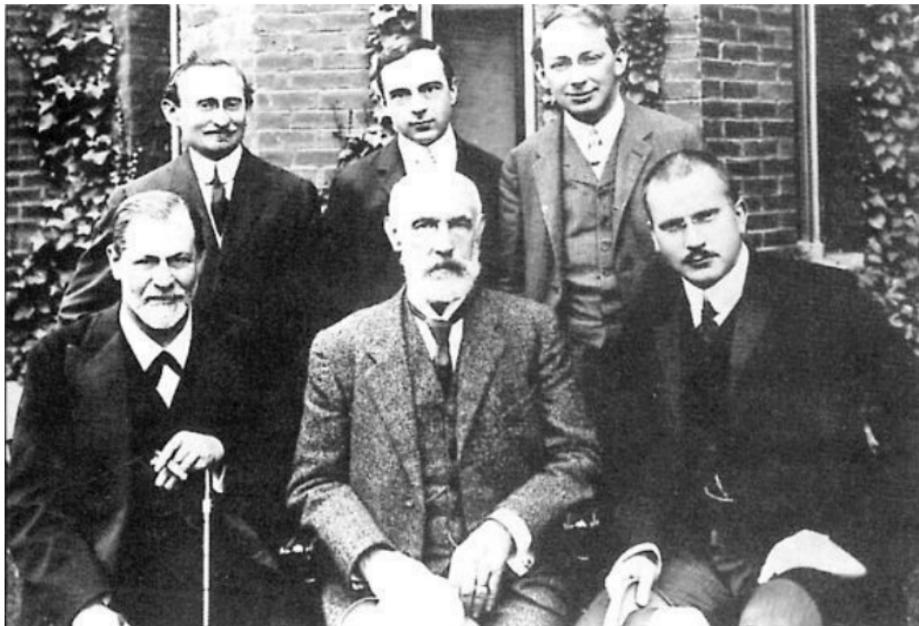
В течение 36 лет, когда Холл возглавлял университет Кларка, психология в нем процветала. За это время там защитили диссертации более восьмидесяти молодых ученых-психологов. Впоследствии ученики Холла вспоминали долгие оживленные семинары, которые он вечерами проводил у себя дома по понедельникам. Эти занятия затягивались допоздна, порой проходили очень бурно, и, чтобы остудить страсти, всякий раз завершались совместным поеданием мороженого.

Научный авторитет Холла был очень высок, его мнением

ученики очень дорожили. Льюис Термен вспоминал: «Холл при проверке работ проявлял столько эрудиции, что нас всегда это поражало. Его экспромты на полях были неизмеримо глубже самой работы, на которую студент затратил месяцы тяжкого труда».

В 1892 г. Холл выступил инициатором встречи двадцати шести ведущих психологов Америки (на ней, правда, отсутствовали Джемс и Дьюи), на которой было принято решение об основании Американской Психологической Ассоциации. Первым президентом Ассоциации присутствовавшие без колебаний избрали Холла.

Одним из первых в Новом Свете Холл проявил интерес к психоанализу. В 1909 г. он пригласил З.Фрейда и К.Г. Юнга на торжества по случаю двадцатилетнего юбилея университета. Выступая перед собравшейся в Вустере аудиторией Фрейд выразил искреннюю признательность за это «первое официальное признание» его трудов. Так началась экспансия психоанализа в западном полушарии, последствия которой в ту пору даже невозможно было вообразить.

Холл (сидит в центре) с гостями юбилейных торжеств в Университете Кларка (1909). Сидят – З.Фрейд (слева) и К.Г. Юнг (справа); стоят (слева направо) – А. Брилл, Э.Д-жонс, Ш. Ференци

Что же касается собственных научных изысканий Холла, то они относились преимущественно к области детской и педагогической психологии. Для исследования детской психики им широко использовались опросники, которых им совместно с учениками было составлено около двух сотен. (На этом основании его иногда называют пионером данного метода, что не совсем точно, поскольку опросники еще до Хол-

ла использовались Ф.Гальтоном.) Дети, отвечая на вопросы, должны были сообщать о своих чувствах (в частности, моральных и религиозных), об отношении к другим людям, о ранних воспоминаниях и т. п. На основе полученных материалов Холл написал ряд работ, среди которых наиболее известен капитальный (около полутора тысяч страниц) труд «Юность» – первая в истории психологии монография, посвященная психическому развитию в подростковом и раннем юношеском возрасте. Эта работа встретила критику, так как строилась на признании полной достоверности высказываний детей о самих себе. Такая критика, в частности, в дальнейшем стимулировала усовершенствование метода опросников, поскольку показала низкую достоверность ответов на «лобовые» вопросы, а также недопустимость буквальную интерпретации каждого ответа. И сегодня, по прошествии века, дилетанты продолжают штамповать по рецептам Холла всевозможные «психотесты» для бульварных газет. Настоящие опросники конструируются уже иначе, во многом благодаря учету негативного опыта Холла.

«Юность» подверглась критике также в связи с тем, что в ней впервые было уделено пристальное внимание вопросам пола. Э.Торндайк писал, что в этой книге «действия и чувства, вытекающие из особенностей пола, как нормальные, так и болезненные, обсуждаются так, как никогда ранее в англоязычной литературе». В то время многих это шокировало, в том числе и психологов. Например, Энджел писал Тит-

ченеру: «Что может вытащить Холла из этой треклятой сексуальной колеи? Я всерьез полагаю, что уделять так много внимания этой теме дурно в моральном плане и просто неумно.» Публичные лекции Холла по половым вопросам вызвали бешеный ажиотаж, аудитории были переполнены. (Женщины на лекции не допускались, зато постоянно подслушивали под дверью.) Не желая провоцировать скандал, а может быть – просто постепенно охладев к этой теме, Холл со временем ее оставил.

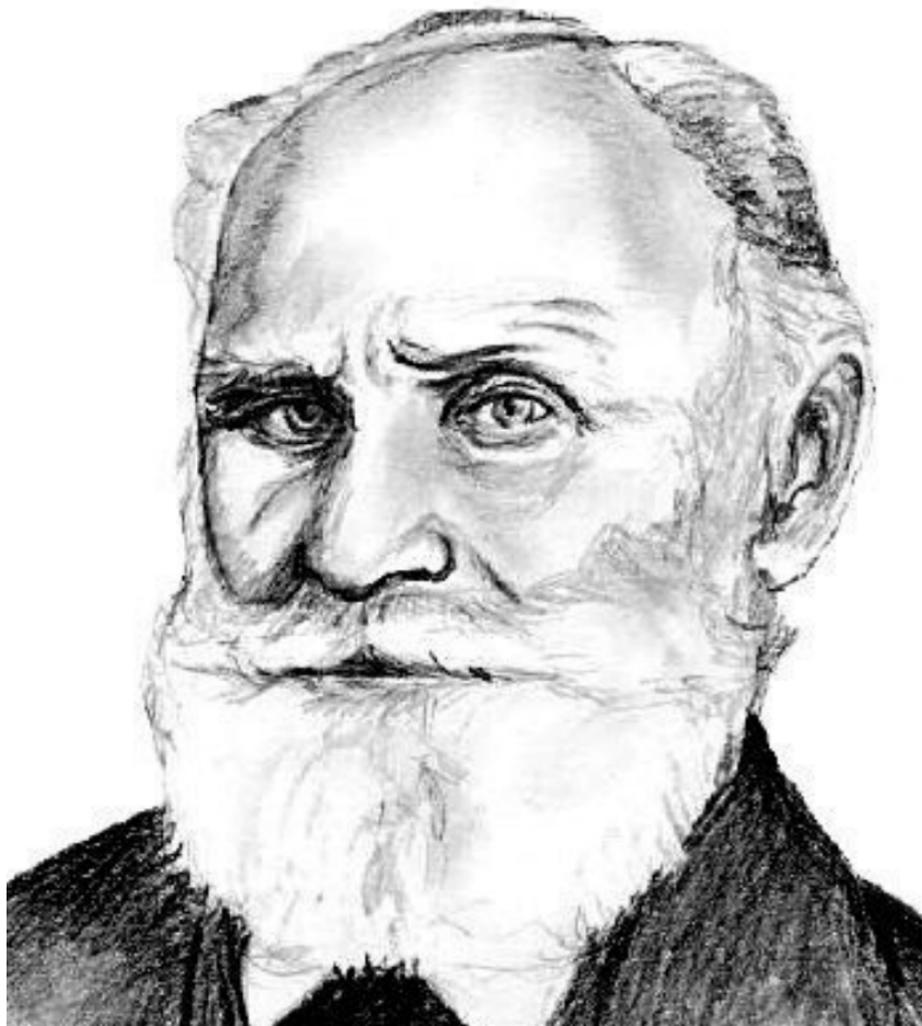
В объяснении психического развития ребенка Холл опирался на биогенетический закон, на основе которого в детскую и педагогическую психологию вводился принцип recapitulation (сокращенного повторения в индивидуальном развитии основных этапов развития человеческого рода). Формирование детской психики трактовалось им как фатальный переход от низших стадий развития человеческого рода к высшим. Например, характер детских игр объяснялся как проявление и «изживание» охотничьих инстинктов первобытных людей, а игры подростков считались воспроизведением образа жизни воинственных племен. Из этого следовали выводы о том, что детям следует предоставить возможность беспрепятственно проходить «примитивные» стадии своего развития.

Холл по праву считается пионером возрастной психологии. Уже на склоне лет, во многом под влиянием собственного опыта, он написал фундаментальный труд «Старость»,

явившейся первой психологической работой по проблемам старения. В последние годы жизни Холл написал две автобиографии – «Воспоминания психолога» (1920) и «Исповедь психолога» (1923) – во многом субъективные в оценках, но представляющие бесценный материал по истории становления психологической науки.

Холл продолжал активно писать и после своей отставки с поста президента университета Кларка в 1920 г. Он умер четырьмя годами позже, через несколько месяцев после того, как вторично был избран президентом Американской Психологической Ассоциации. После смерти Холла 99 из 120 членов АПА назвали его в числе десяти психологов общемирового значения, отмечая его талант педагога, усилия по организации науки, его вызов ортодоксальности. Многие, правда, невысоко отзывались о его личных качествах. Да и сам Холл в одной из автобиографий признавал, что вся его жизнь – это сплошная череда причуд, ошибок, грехов и безумств. Впрочем, мелкие житейские грешки забываются, ошибки исправляются (в науке в этом, наверное, и состоит в прогресс), а плоды усердного вдохновенного труда остаются надолго.

И.П. Павлов
(1849–1936)

Иван Петрович Павлов был первым русским ученым, удостоенным Нобелевской премии. Сегодня его имя и основные положения его теории знакомы любому психологу, даже американскому (хотя этим знакомство с российской психологией в западном полушарии обычно и исчерпывается). Павлов оказал исключительное влияние на мировую науку и как почти всякий ученый такого масштаба заслужил крайне противоречивые оценки. Для одних он выступает выдающимся экспериментатором и теоретиком, который утвердил естественнонаучный подход в психологии и на долгие годы определил магистральное направление психологической мысли. Иные, напротив, воспринимают его как вульгарного материалиста, чьи изыскания фактически выхолостили психологию и сильно исказили и затруднили ее развитие. Впрочем, полярные оценки всегда далеки от истины. А кем же на самом деле был первый российский нобелевский лауреат, какова его роль в отечественной и мировой психологии? За 63 года, прошедшие после смерти Павлова, было опубликовано много научно-биографических работ, посвященных его творческому пути. Почти во всех этих трудах Павлов предстает преимущественно как физиолог (каковым он и сам себя считал). Мы же попробуем взглянуть на его научную биографию с позиций психологов, поскольку именно в психологию он фактически и внес наиболее значительный вклад.

Иван Петрович Павлов родился 26 сентября 1849 г. в Рязани. Его мать, Варвара Ивановна, происходила из семьи

священника; отец, Петр Дмитриевич, был священником, служившим поначалу в бедном приходе, но благодаря своему пастырскому рвению со временем ставшим настоятелем одного из лучших храмов Рязани. С раннего детства Павлов перенял у отца упорство в достижении цели и постоянное стремление к самосовершенствованию. В возрасте семи лет он перенес тяжелую травму головы, из-за чего школьное обучение было отложено на несколько лет. Обучением сына занялся сам Петр Дмитриевич. Своего первенца (всего в семье было одиннадцать детей) отец желал видеть священнослужителем, и не обычным – «из семинаристов», а ученым богословом «из академиков». Следуя родительской воле, Павлов начал посещать начальный курс духовной семинарии, а в 1860 г. поступил в рязанское духовное училище. Программа подготовки священнослужителей включала довольно широкий круг дисциплин, в том числе и естественные науки. Именно к этой сфере Павлов почувствовал наибольшую склонность, постепенно охладевая к духовной карьере.

Увлечение физиологией возникло у Павлова после того, как он прочитал русский перевод книги английского критика Джорджа Льюиса «Физиология обыденной жизни». Его увлечение окрепло после прочтения популярных работ Д.И. Писарева, которые подвели его к изучению теории Ч.Дарвина.

Не закончив духовного образования, Павлов в 1870 г.

уехал в Петербург, где поступил на естественное отделение физико-математического факультета Петербургского университета. Его интерес к физиологии возрос после прочтения книги И.М. Сеченова «Рефлексы головного мозга». Изучением этой науки он занялся в лаборатории И.Циона, который занимался исследованием влияния нервов на деятельность внутренних органов. Именно по предложению Циона Павлов провел свое первое научное исследование – изучение секреторной иннервации поджелудочной железы; за эту работу он был удостоен золотой медали университета.

После получения в 1875 г. степени кандидата естественных наук Павлов поступил на третий курс Медико-хирургической академии в Петербурге (преобразованной впоследствии в Военно-медицинскую). Здесь он надеялся стать ассистентом Циона, который незадолго до этого был назначен ординарным профессором кафедры физиологии. Однако это назначение вскоре было отменено, ибо противоречило государственному установлению, согласно которому к подобным должностям не допускались лица еврейского происхождения. Оскорбленный Цион покинул Россию. Это событие навсегда сохранилось в памяти Павлова, и впоследствии он буквально приходил в бешенство при малейшем намеке на антисемитизм. Отказавшись работать с преемником Циона, Павлов стал ассистентом в Ветеринарном институте, где в течение двух лет изучал пищеварение и кровообращение. Летом 1877 г. он работал в городе Бреслау, в Германии (ны-

не Вроцлав, Польша) с Рудольфом Гейденгайном, специалистом в области пищеварения. Гейденгайн занимался изучением пищеварения у собак, используя выведенные наружу части желудка. Павлов усовершенствовал эту методику, решив проблему сохранения нервного управления выведенной частью желудка. В следующем году по приглашению С.П. Боткина Павлов начал работать в физиологической лаборатории при его клинике в Бреслау, еще не имея медицинской степени, которую он получил в 1879 г. В лаборатории Боткина Павлов фактически руководил всеми фармакологическими и физиологическими исследованиями.

После длительной борьбы с администрацией Военно-медицинской академии (отношения с которой стали натянутыми после его реакции на увольнение Циона) Павлов в 1883 г. защитил диссертацию на соискание степени доктора медицины, посвященную описанию нервов, контролирующих функции сердца. Он был назначен приват-доцентом в академию, но вынужден был отказаться от этого назначения в связи с дополнительной работой в Лейпциге с Гейденгайном и Карлом Людвигом, двумя наиболее выдающимися физиологами того времени. Через два года Павлов вернулся в Россию.

Многие исследования Павлова в 1880-х годах касались системы кровообращения. Наибольшего расцвета творчество Павлова достигло к 1879 г., когда он вплотную занялся исследованиями физиологии пищеварения, которые про-

должались свыше 20 лет. В своей книге «Лекции о работе главных пищеварительных желез» Павлов рассказал о своих опытах и наблюдениях, о приемах работы. За этот труд он и получил в 1904 г. Нобелевскую премию.

Будучи от рождения левшой, как и его отец, Павлов постоянно тренировал правую руку и в результате настолько хорошо владел обеими руками, что, по воспоминаниям коллег, ассистировать ему во время операций было очень трудной задачей: никогда не было известно, какой рукой он будет действовать в следующий момент.

Преданность Павлова экспериментальной науке была всецелой. Его совершенно не интересовали бытовые условия жизни. В 1881 г. он женился, и его жене, Серафиме Васильевне, пришлось полностью взять на себя решение всех текущих проблем. Таково было взаимное соглашение, заключенное в самом начале супружества. Со своей стороны Павлов обязался никогда не пить, не играть в карты и ходить в гости или принимать гостей только в выходные дни. Его бескорыстная одержимость работой доходила до такой степени, что жене иной раз приходилось напоминать ему о получении жалования. Впрочем, жалование ученых в нашем отечестве никогда не было высоким. Долгие годы семья Павловых жила крайне стесненно. В 1884 году, когда Павлов работал над докторской диссертацией, родился первый ребенок. Хрупкий и болезненный младенец не сможет выжить, говорили врачи, если мать и ребенок не смогут отдохнуть за городом,

в благоприятных условиях. Деньги на поездку пришлось занимать, однако было уже поздно: ребенок умер. Некоторое время Павлов вынужден был ночевать на койке в своей лаборатории, а жена и второй ребенок жили у родственников, ибо собственное жилье было не по карману. Группа студентов Павлова, зная о его финансовых затруднениях, передала ему деньги под предлогом покрытия расходов на демонстрацию опытов. Из этой суммы ученый не взял себе ни копейки, все потратил на своих лабораторных собак.

На протяжении всей своей научной деятельности Павлов сохранял интерес к влиянию нервной системы на функционирование внутренних органов. В начале XX в. его эксперименты, касающиеся пищеварительной системы, привели к изучению условных рефлексов. Открытие условных рефлексов, как и многие другие выдающиеся научные достижения, произошло, по мнению многих ученых, совершенно случайно, когда Павлов, исследуя работу пищеварительных желез, – для того, чтобы получить возможность собирать желудочный сок вне организма собаки, – воспользовался методом хирургического вмешательства. Павлов и его коллеги обнаружили, что если пища попадает в рот собаки, то начинается рефлекторно вырабатываться слюна. Когда собака просто видит пищу, то также автоматически начинается слюноотделение, но в этом случае рефлекс значительно менее постоянен и зависит от дополнительных факторов, таких, как голод или переедание. Суммируя различия между рефлекс-

сами, Павлов заметил, что «новый рефлекс постоянно изменяется и поэтому является условным». Таким образом, один только вид и запах пищи действует как сигнал для образования слюны. «Любое явление во внешнем мире может быть превращено во временный сигнал объекта, стимулирующего слюнные железы, – писал Павлов, – если стимуляция этим объектом слизистой оболочки ротовой полости будет связана повторно... с воздействием определенного внешнего явления на другие чувствительные поверхности тела».

Пораженный ролью условных рефлексов в поведении, Павлов после 1902 г. сконцентрировал все свои научные интересы на изучении высшей нервной деятельности. Тут необходимо отметить, что хотя исследования рефлекторной природы поведения по сути были психологическими, Павлов намеренно не вторгался в область психологии, постоянно подчеркивая их физиологический характер (своих сотрудников он даже штрафовал за использование психологической терминологии). В своих выступлениях он не раз склонял «несостоятельные психологические претензии». Он был знаком со структурной и функциональной психологией, но соглашался с Джемсом в том, что психология еще не достигла уровня подлинной науки. Собственный подход он считал конструктивной альтернативой психологическим рассуждениям. В своей известной речи, произнесенной в Мадриде, он указывал: «Полученные объективные данные, руководясь подобием или тождеством внешних проявлений, наука пе-

ренесет рано или поздно и на наш субъективный мир и тем сразу и ярко осветит нашу столь таинственную природу, уяснит механизм и жизненный смысл того, что занимает человека все более, – его сознание, муки его сознания». В дальнейшем Павлов не раз подчеркивал социальную значимость исследования условных рефлексов, направленного на разработку точной науки о человеке, которая «выведет его из теперешнего мрака и очистит его от теперешнего позора в сфере межлюдских отношений».

По иронии судьбы самое сильное влияние идеи Павлова оказали именно на психологию – то есть ту область, к которой он не особенно благоволил. Уже первые сведения о нем, дошедшие до западных психологов, получили широкий резонанс. На VI Международном психологическом конгрессе в Женеве (1909) прозвучало имя Павлова. Оно упоминалось неоднократно, однако не русскими участниками конгресса (они составляли небольшую группу во главе с Г.И. Челпановым), а американскими исследователями Р.Йерксом, М.Прайнсом, Ж.Лебом. Открытие условного рефлекса американские психологи восприняли как революцию в изучении поведения. В докладе Р.Йеркса «Научный метод в психологии животных» высказывалась уверенность, что новые научные устремления, среди выразителей которых первым назывался Павлов, позволят дать объективный анализ восприятию животных, их памяти, привычек и т. д. Заметим, что в этом же году Йеркс опубликовал на английском языке

ке сводку работ павловской лаборатории, впервые познакомившую западного читателя с учением об условных рефлексах; это сыграло важную роль в разработке объективных методов в американской психологии. Методы Павлова представили психологической науке базовый элемент поведения, конкретную рабочую единицу, к которой могло быть сведено сложное человеческое поведение для его изучения в лабораторных условиях. Дж. Уотсон ухватился за эту рабочую единицу и сделал ее ядром своей исследовательской программы. Павлов был удовлетворен работами Уотсона, заметив, что развитие бихевиоризма в Соединенных Штатах является подтверждением его идей и методов. Не будет преувеличением сказать, что все поведенческое направление в психологии выросло из павловской рефлексорной теории. На протяжении десятилетий и западная, и отечественная психология развивалась именно в этом ключе. Ограниченность такого подхода выступила лишь по прошествии длительного времени, и было бы необоснованно с сегодняшних позиций упрекать в ней именно Павлова.

В советской науке условнорефлексорная теория была поднята на щит, поскольку в полной мере отвечала насущному социальному запросу. Принципы формирования «нового человека» как нельзя лучше выводились из приемов натаскивания павловских собак. Правда, сам ученый к большевистскому социальному экспериментированию относился резко критически, открыто заявляя, что для таких опытов он

пожалел бы даже собаки. Как писал позднее академик Петр Капица, Павлов «без стеснения, в самых резких выражениях критиковал и даже ругал руководство, крестился у каждой церкви, носил царские ордена, на которые до революции не обращал внимания».

Сам Павлов писал: «В первые годы революции многие из почтенных профессоров лицемерно клялись в преданности и верности большевистскому режиму. Мне было тошно это видеть и слышать, так как я не верил в их искренность. Я тогда написал Ленину: «Я не социалист и не верю в Ваш опасный социальный эксперимент».

Ответ главы Совнаркома был неожиданным: он распорядился обеспечить Павлову все условия для научной работы, организовать (в голодном Петрограде!) питание подопытных собак. Совнарком принял по этому поводу особое постановление. (Рассказывают, что академик Алексей Крылов, встретив как-то Павлова на улице, с горькой иронией попросил взять его к себе в собаки.)

Академик Павлов считал своим долгом заступаться за несправедливо арестованных или осужденных людей. Иногда его заступничество спасало людям жизнь.

Резко критические обращения академика Павлова к властям представляют собой одни из самых замечательных документов эпохи. 21 декабря 1934 г., через 3 недели после убийства Кирова и начала новой волны репрессий, 85-летний ученый направляет в правительство обращение, в кото-

ром пишет: «Революция застала меня почти в 70 лет. А у меня засело как-то твердое убеждение, что срок дельной человеческой жизни именно 70 лет. И поэтому я смело и открыто критиковал революцию. Я говорил себе: «Черт с ними! Пусть расстреляют. Все равно жизнь кончена, а я сделаю то, что требовало от меня мое достоинство». На меня поэтому не действовало ни приглашение в старую Чеку, правда, кончившееся ничем, ни угрозы при Зиновьеве в здешней «Правде»...

Мы жили и живем под неослабевающим режимом террора и насилия. Я всего более вижу сходство нашей жизни с жизнью древних азиатских деспотий. А у нас это называется республиками. Как это понимать? Пусть, может быть, это временно. Но надо помнить, что человеку, происшедшему из зверя, легко падать, но трудно подниматься. Тем, которые злобно приговаривают к смерти массы себе подобных и с удовлетворением приводят это в исполнение, как и тем, насильственно приучаемым участвовать в этом, едва ли возможно остаться существами, чувствующими и думающими человечно. И с другой стороны. Тем, которые превращены в забитых животных, едва ли возможно сделаться существами с чувством собственного достоинства. Не один же я так чувствую и думаю? Пощадите же родину и нас».

Когда 27 февраля 1936 г. ученого не стало, профессор медицины Дмитрий Плетнев (позднее оклеветанный и расстрелянный) дал в некрологе совсем неожиданную для той эпохи

характеристику Ивана Петровича Павлова: «Он никогда, никогда, ни в молодости, ни в старости не лицемерил, не приспособлялся. Он глубоко презирал людей, которых историк эпохи Смутного времени охарактеризовал словами: «Телом и духом перегибательные».

В одной из биографических статей о Павлове можно найти довольно типичное для советской науки высказывание: «Учение И.П. Павлова до конца раскрыло тайну сказочной «души». Вот только вряд ли в это верил сам академик. По крайней мере, похоронить себя он завещал с полным соблюдением православного обряда.

Честный и здравомыслящий человек, Павлов много сделал для объяснения механизмов поведения, но никогда не претендовал на исчерпывающее толкование всей душевной жизни. Зато в этом преуспели его рьяные «последователи», попытавшиеся довести павловскую теорию до абсурдной крайности. В 1950 г. состоялась научная сессия АН и АМН СССР, посвященная учению Павлова (в дальнейшем ей присвоили название «павловской»). На сессии были сделаны два главных доклада. С ними выступили академик К.М. Быков и профессор А.Г. Иванов-Смоленский. С этого момента они обрели статус верховных жрецов культа Павлова. Всем было ясно, чья могущественная рука посадила их на трибуну сессии. Уже не было необходимости сообщать, что доклады одобрены ЦК ВКП(б). Это разумелось само собой – на основе учета опыта августовской сессии ВАСХНИЛ, где

информация об одобрении ЦК была сообщена Т.Д. Лысенко уже после того, как некоторые выступавшие в прениях неосторожно взяли под сомнение непогрешимость принципов «мичуринской» биологии. Подобного на «павловской» сессии дожидаться не стали, и начались славословия в адрес главных докладчиков, «верных павловцев», наконец, якобы открывших всем глаза на это замечательное учение.

Сессия с самого начала приобрела антипсихологический характер. Идея, согласно которой психология должна быть заменена физиологией высшей нервной деятельности, а стало быть, ликвидирована, в это время не только носилась в воздухе, но уже и материализовалась. Так, например, ленинградский психофизиолог М.М. Кольцова заняла позицию, отвечавшую санкционированным свыше указаниям: «В своем выступлении на этой сессии профессор Теплов сказал, что, не принимая учения Павлова, психологи рискуют лишить свою науку материалистического характера. Но имела ли она вообще такой характер? С нашей точки зрения, данные учения о высшей нервной деятельности игнорируются психологией не потому, что это учение является недостаточным, узким по сравнению с областью психологии и может объяснить лишь частные, наиболее элементарные вопросы психологии. Нет, это происходит потому, что физиология стоит на позициях диалектического материализма; психология же, несмотря на формальное признание этих позиций, по сути дела, отрывает психику от ее физиологического ба-

зиса и следовательно, не может руководствоваться принципом материалистического монизма».

Что означало в те времена отлучение науки от диалектического материализма? Тогда было всем ясно, какие могли быть после этого сделаны далеко идущие «оргвыводы». Впрочем, и сама Кольцова предложила сделать первый шаг в этом направлении: «Надо требовать с трибуны этой сессии, чтобы каждый работник народного просвещения был знаком с основами учения о высшей нервной деятельности, для чего надо ввести соответствующий курс в педагогических институтах и техникумах наряду, а может быть, *вместо курса психологии*».

Перед историками психологии не раз ставились вопросы, связанные с оценкой этого периода ее истории. Причины «павловской» сессии? Очевидно, проблему надо поставить в широкий исторический контекст. В конечном счете, это была одна из многих акций, которые развертывались в этот период, начиная с 30-х годов и почти до момента смерти Сталина, по отношению к очень многим наукам. Это касалось педологии и психотехники, еще раньше – философии. Такие кампании были и в литературоведении, языкознании, в политэкономии. Особо жесткий характер это приобрело в биологии. Таким образом определялась позиция каждой науки на путях ее бюрократизации и выделения группы неприкасаемых лидеров, с которыми всем и приходилось в дальнейшем иметь дело как с единственными представителями «ис-

тинной» науки. Происходила канонизация этих «корифеев», как был канонизирован «корифей из корифеев» Сталин. А так как они признавались единственными держателями «истины», то ее охрану обеспечивал хорошо налаженный командный, а в ряде случаев и репрессивный аппарат. Поэтому речь идет об общем процессе. Впрочем, иначе и быть не могло. Было бы, в самом деле, странно, если бы все это произошло именно и только с психологией.

Но неужели психологи не могли решительно протестовать против вульгаризаторского подхода к психологии, закрывавшего пути ее нормального развития и ставившего под сомнение само ее существование? Почему все на сессии клялись именами Сталина, Лысенко, Иванова-Смоленского, а не только именем Павлова?

Современникам просто невозможно представить себе грозную ситуацию тех лет. Любая попытка прямого протеста и несогласия с утвержденной идеологической линией сессии двух академий была чревата самыми серьезными последствиями, включая прямые репрессии. И все-таки поведение психологов на сессии нельзя считать капитулянтским. Их ссылки на имена тогдашних «корифеев» были не более как расхожими штампами, без которых не обходилась тогда ни одна книга или статья по философии, психологии, физиологии (иначе они просто не увидели бы света). Вместе с тем, если внимательно прочитать выступления психологов, их тактику можно не только понять, но и вполне оценить, разуме-

ется, если не подходить к ней с позиций сегодняшнего дня.

Конечно, сейчас тяжело перечитывать самообвинения и «разбор» книг чужих и собственных со скрупулезным высчитыванием, сколько раз на их страницах упоминалось имя Павлова, а сколько раз оно отсутствовало. Нельзя отрицать, что психология фактически привязывалась к колеснице победителей – физиологии ВВД. Однако цель оправдывала средства. На сессии психология отстаивала свое право на существование, которое оказалось под смертельной угрозой. Во время одного из заседаний Иванов-Смоленский получил и под хохот зала зачитал записку, подписанную так: «Группа психологов, потерявших предмет своей науки». Но если бы такое было сказано в резолюции сессии, то это означало бы ликвидацию психологии как науки. Поэтому пафос выступлений психологов сводился к отстаиванию предмета своей науки. И признание «ошибок» лидерами психологической науки сегодня не должно вызывать никаких иных эмоций, кроме сочувствия и стыда за прошлое науки. Едва ли справедливо бросать камень в тех, кто перед лицом упразднения целой отрасли знания каялся «галилеевым покаянием».

Менее всего есть основания считать, что сложившаяся ситуация отвечала генеральной линии развития павловского учения и позициям самого Павлова. Надо иметь в виду, что сам Павлов, недолюбливавший психологов, тем не менее считал, что психология и физиология идут к одной цели разными путями. Примечательно, что он приветствовал откры-

тие психологического института в Москве, а уже при советской власти приглашал его изгнанного директора, профессора Г.И. Челпанова на работу в свою лабораторию. Поэтому нельзя рассматривать «павловизацию» психологии со всеми ее драмами и курьезами (к примеру, попытки строить обучение школьников, ориентируясь на механизмы выработки условных рефлексов) как запоздалый результат каких-то волеизъявлений великого ученого. Надо сказать, что к концу жизни с ним вообще не очень-то считались. Он был нужен и полезен как икона и предпочтительнее мертвый, чем живой.

На протяжении долгого времени сохранялся миф о якобы благотворном влиянии «павловской» сессии на развитие психологической науки. Историю психологии, как и предполагал К.М. Быков, делили лишь на два периода: «допавловский» и «павловский». Лишь с конца 50-х годов крайности антипсихологизма «павловской» сессии стали постепенно преодолеваться. Хотя надо признать, что они не изжиты до сих пор. Так, единственный для многих источник научных представлений о душевной жизни – современный школьный учебник «Человек» – фактически всецело трактует психику как систему рефлексов. Однако современный этап развития отечественной психологии все же можно назвать скорее «послепавловским».

Так или иначе, сам академик Павлов был и остается великим ученым, разгадавшим многие тайны поведения. Не его вина, что его имя начертали на своих знаменах научные по-

громщики. Павлов поистине выше упреков и не нуждается в защите и оправдании.

Г. Эббингауз (1850–1909)

24 января 1850 г. родился Герман Эббингауз – один из основателей экспериментальной психологии. В отличие от своего современника В. Вундта, изучавшего «первоэлементы» сознания и убежденного, что высшие психические функции невозможно экспериментально исследовать, Эббингауз предпринял смелую попытку изучать память с помощью строгих научных методов.

Выпускник Боннского университета, Эббингауз несколько лет провел в Англии и во Франции, зарабатывая на жизнь репетиторством. В лавочке парижского букиниста он случайно нашел книгу Т. Фехнера «Основы психофизики». Это событие не только круто изменило жизнь самого Эббингауза, но и существенно повлияло на судьбу всей психологической науки.

В книге Фехнера были сформулированы математические законы, касающиеся отношений между физическими стимулами и вызываемыми ими ощущениями. Воодушевленный идеей открытия точных закономерностей психических процессов, Эббингауз решил приступить к опытам над памятью. Он ставил их на самом себе и при этом руководствовался давней идеей о том, что люди запоминают, сохраняют

в памяти и воспроизводят факты, между которыми сложились ассоциации. Но обычно эти факты подвергаются осмыслению, и поэтому трудно установить, возникла ли ассоциация благодаря памяти, или в дело вмешался ум. Эббингауз задался целью установить законы памяти «в чистом виде» и для этого изобрел особый материал. Единицами такого материала стали отдельные бессмысленные слоги, состоявшие из двух согласных и гласной между ними (наподобие «бов», «гис», «лоч» и т. п.). Предполагалось, что такие элементы не могут вызвать никаких ассоциаций, и их запоминание никак не опосредуется мыслительными процессами и эмоциями.

Недавние изыскания позволили уточнить особенности экспериментального материала Эббингауза. При тщательном изучении записок исследователя выяснилось, что в некоторых из придуманных им слогов было по четыре, пять и даже шесть букв. Но более важно другое. Помимо родного немецкого Эббингауз свободно владел английским и французским, неплохо знал греческий и латынь. При этом ему было крайне нелегко найти такие сочетания звуков, которые звучали бы для него абсолютно бессмысленно и не рождали бы никаких ассоциаций. Но на самом деле он к этому и не стремился. В неточном переводе его экспериментальный материал принято было называть «рядом бессмысленных слогов», тогда как на самом деле он имел в виду «бессмысленный ряд слогов». По Эббингаузу, лишёнными смысла должны быть не отдельные слоги (хотя и этого ему в боль-

шинстве случаев удалось добиться). Бессодержательным, не вызывающим никаких ассоциаций, должен быть весь набор в целом. По мнению некоторых исследователей, это ставит под сомнение чистоту экспериментов Эббингауза. Однако не подлежит сомнению, что для своего времени его опыты были поистине новаторскими. Э. Титченер оценил их как первый значительный шаг в этой области со времен Аристотеля.

Составив список бессмысленных звукосочетаний (около 2300 слогов, выписанных на карточках), Эббингауз экспериментировал с ними на протяжении пяти лет. Основные итоги этого исследования он изложил в ставшей классической книге «О памяти» (1855). Прежде всего он выяснил зависимость числа повторений, необходимых для заучивания списка, от его длины, установив, что при одновременном прочтении запоминается, как правило, 7 слогов. При увеличении списка требовалось значительно большее число его повторений, чем количество присоединенных к первоначальному списку слогов. Число повторений принималось за коэффициент запоминания.

Разработанный Эббингаузом метод сохранения заключался в том, что через определенный промежуток времени после того, как ряд был заучен, вновь предпринималась попытка его воспроизвести. Когда определенное количество слогов не могло быть восстановлено в памяти, ряд снова повторялся до его правильного воспроизведения. Число повторений (или время), которое потребовалось для восстановле-

ния знания полного ряда, сопоставлялось с числом повторений (или временем), затраченным при первоначальном заучивании.

Особую популярность приобрела вычерченная Эббингаузом кривая забывания. Быстро падая, эта кривая становится пологой. Оказалось, что наибольшая часть материала забывается в первые минуты после заучивания. Значительно меньше забывается в ближайшие последующие минуты и еще меньше – в ближайшие дни. Сравнилось также заучивание осмысленных текстов и бессмысленных слогов. Эббингауз заучивал текст «Дон Жуана» Байрона и равный по объему список слогов. Осмысленный материал запоминался в 9 раз быстрее. Что же касается кривой забывания, то она в обоих случаях имела общую форму, хотя в первом случае (при осмысленном материале) падение кривой шло медленнее. Эббингауз подверг экспериментальному изучению и другие факторы, влияющие на память (например, сравнительную эффективность сплошного и распределенного во времени заучивания).

Эббингаузу принадлежит также ряд других работ и методик, поныне сохраняющих свое значение. В частности, им был создан носящий его имя тест на заполнение фразы пропущенным словом. Этот тест стал одним из первых в диагностике умственного развития и нашел широкое применение.

Хотя Эббингауз и не разработал специальной теории, его исследования стали ключевыми для экспериментальной пси-

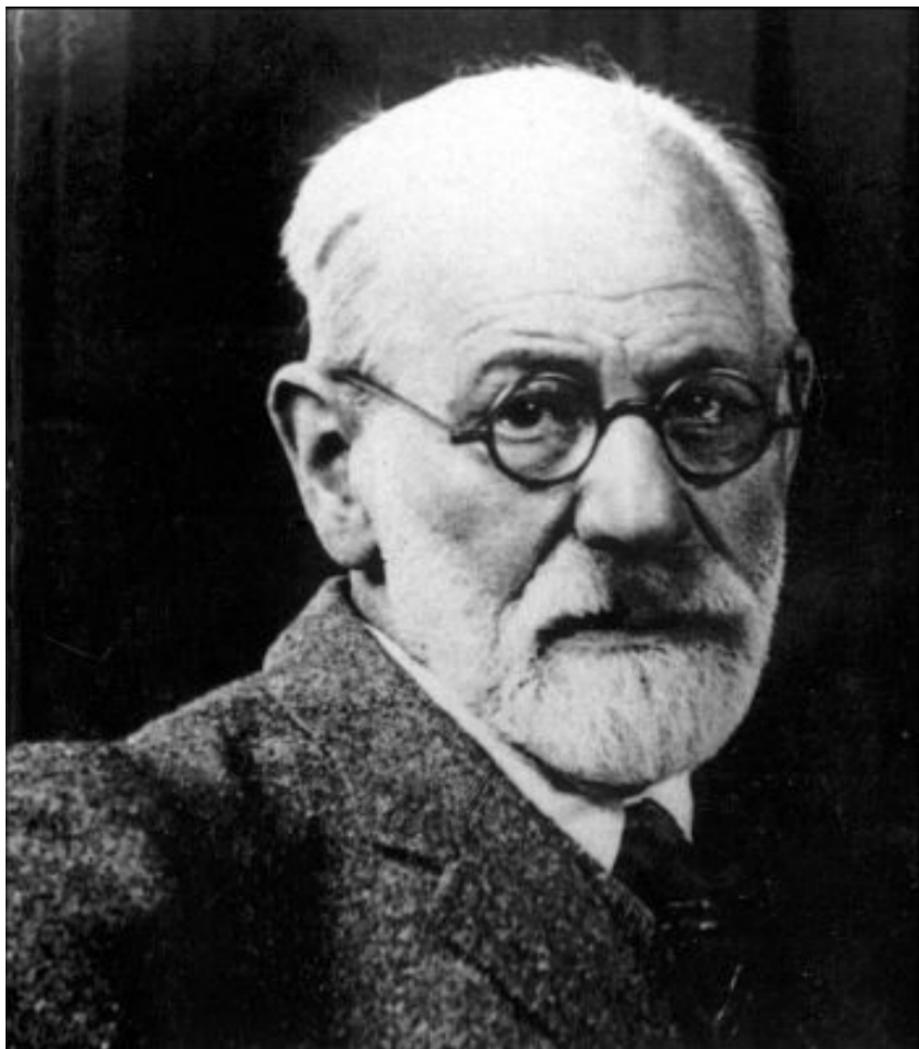
хологии. Они на деле показали, что память можно изучать объективно, не прибегая к субъективному методу, выяснению того, что происходит в сознании испытуемого. Была также показана важность статистической обработки данных с целью установления закономерностей, которым подчинены, при всей их прихотливости, психические явления. Эббингауз разрушил стереотипы прежней экспериментальной психологии, созданной школой Вундта, где считалось, что эксперимент приложим только к процессам, вызываемым в сознании субъекта с помощью специальных приборов. Был открыт путь экспериментальному изучению, вслед за простейшими элементами сознания, сложных форм поведения – навыков. Кривая забывания приобрела значение образца для построения в дальнейшем графиков выработки навыков, решения проблем и др.

Эббингауз основал психологические лаборатории в университетах Берлина, Бреслау и Галле. В 1902 г. вышло имевшее огромный успех руководство «Основы психологии», которое автор посвятил памяти Фехнера. Основанный Эббингаузом «Журнал психологии и физиологии органов чувств» явился первой попыткой выйти за рамки «цеховых» изданий и представить результаты научных исследований широкой публике; тому способствовали высокие требования к ясности и доступности стиля публикаций.

Эббингауз не создал формальной психологической системы, не основал собственной научной школы. Да он едва ли

и стремился к этому. Тем не менее ему удалось занять исключительное место в истории психологической науки. Настоящим мерилом ценности ученого является то, насколько его взгляды и выводы прошли проверку временем. А с этой точки зрения Эббингауз оказал на науку влияние даже более значительное, чем Вундт. Исследования Эббингауза привнесли объективность количественных и экспериментальных методов в изучение высших психических функций. Именно благодаря Эббингаузу работа в области изучения ассоциаций из теоретизирования об их свойствах превратилась в подлинно научное исследование. Многие из его заключений о природе обучения и памяти остаются справедливыми даже столетие спустя.

З. Фрейд
(1856–1939)

Ежегодно в начале мая психоаналитическое сообщество более или менее пышно (в зависимости от округлости даты) отмечает день рождения того, кто на долгие годы обеспечил это сообщество смыслом существования и куском сдобного хлеба, – Зигмунда Фрейда, психиатра, который научил добрую половину человечества втайне стыдиться любви к родителям и находить сексуальный подтекст в банальных оговорках. В XX веке учение Фрейда превратилось в один из столпов западной культуры. Правда, далеко не все перед этим учением благоговеют. Кое-кто даже утверждает, что оно относится не столько к сфере науки, сколько мифологии, что свои суждения о природе человека Фрейд по большей части выдумал. Наверное, это преувеличение. Трудно согласиться с тем, что теория Фрейда универсальна, то есть справедлива для всех и каждого. Но не подлежит сомнению, что встречаются люди, вполне отвечающие фрейдистским представлениям. По крайней мере, имя одного такого человека известно совершенно точно. Это Зигмунд Фрейд. Свою теорию психосексуального развития личности он отнюдь не выдумал, а в полном смысле слова выстрадал. Наверное, погорячился лишь в том, что распространил ее и на нас с вами. И это вполне соответствует открытому им феномену проекции: коли окружающие не лучше меня, а то и хуже, то мне – чего стыдиться?

Попробуем разобраться, так ли это. Ибо если справедливо, что индивидуальный жизненный опыт накладывает неиз-

гладимый отпечаток на все мировоззрение человека, то понять это мировоззрение можно лишь с опорой на этот опыт. Что же пережил тот мальчик, который повзрослев сочинил на основе мифа об Эдипе миф об Эдиповом комплексе?

О детстве Фрейда достоверно известно немного – не больше, чем о детстве любого другого человека. Ведь это только если случится человеку стать знаменитым, сразу найдется толпа друзей дома и сотни три бывших одноклассников, которые насочиняют о его детстве ворох слащавых небылиц. Потом официальный биограф, отобранный по критерию безупречной лояльности, отфильтрует эти басни и отлакирует сухой остаток. Таким биографом после смерти Фрейда выступил один из его верных соратников Эрнст Джонс, с чьих слов в основном и известен жизненный путь основателя психоанализа. Однако при всем обилии фактов ценность такой парадной биографии невелика – слишком уж очевидно стремление автора приукрасить канонизированный образ. К тому же и сам мистер Джонс – слишком противоречивая, мягко скажем, фигура, чтобы с почтением относиться к его словам. Небезынтересный факт: Джонс, некоторое время работавший в детской больнице, был оттуда с позором уволен после многочисленных обвинений в сексуальных контактах с детьми; бежав от ареста в Канаду, он принялся практиковать там, но вскоре вынужден был откупаться от своей пациентки, дабы она не предавала огласке тот факт, что он ее совратил. Что ни говори, а доверия к его славословиям это

не прибавляет – в трезвый взгляд и кристальную честность совратителя и педофила верится с трудом. Так что восстанавливая более или менее объективную картину ранних лет жизни Фрейда, приходится опираться на иные источники, в частности – обнародованные в самое недавнее время.

Затрудняет дело то, что сам человек о первых годах своей жизни не помнит почти ничего. Разумеется, отсутствует в памяти и сам акт появления на свет. (Попытки его «припомнить» под действием «кислоты» или надышавшись до асфиксии и помрачения рассудка ничего, кроме иронии, у здравомыслящего человека не вызывают.) «Детская амнезия», явление, до сих пор не получившее удовлетворительного объяснения, – это исчезновение воспоминаний практически обо всем, что происходило с человеком до 5–6 лет. Очень немногие взрослые могут вспомнить хотя бы столько моментов из раннего детства, сколько хватило бы на полчаса реальной жизни. Фрейда очень интересовала эта «странная загадка», и он пытался преодолеть собственную амнезию в надежде, что это поможет ему лучше разобраться в себе и вообще понять человеческую природу (в спорности вопроса – насколько второе выводимо из первого – он, похоже, не отдавал себе отчета). Самым многообещающим источником представлялись сны – если их должным образом истолковать. Сомнения в истинности фрейдистского толкования сновидений появились много позже – когда полученные «результаты» уже обрели характер догмы. Каковы же были те

реальные факты, которые определили становление личности будущего ученого и его научного мировоззрения?

Зигмунд Фрейд родился 6 мая 1856 года в полседьмого вечера на втором этаже скромного домика на Шлоссергассе, 117, во Фрайберге, в Моравии (ныне г. Пршибор, Чехия). Семья, в которой он появился на свет, словно специально была создана как иллюстрация к психоаналитической доктрине. Его отец, Якоб Фрейд, был уже немолод (ему было за сорок) и имел двух взрослых сыновей от первого брака. Его первая жена умерла. По некоторым сведениям, достоверность которых спорна, Якоб вскоре женился второй раз на некоей Ребекке, но этот брак продлился недолго, и о судьбе Ребекки не известно ничего. Джонс в своей биографии о ней даже не упоминает, называя второй женой Якоба Фрейда Амалию Натансон. Вторая или третья, именно Амалия стала матерью Зигмунда. Она была более чем вдвое моложе своего мужа и души не чаяла в своем первенце, «золотом Зиги». Взаимную нежную привязанность мать и сын пронесли через всю жизнь (Амалия Фрейд умерла в 1930 г. в возрасте 95 лет). Они еще могли себе это позволить. Ведь о существовании Эдипова комплекса еще долго никто не догадывался!

Самыми ранними воспоминаниями первенца Амалии были искры, летающие над узкой лестницей в доме кузнеца Заджика, где квартировала семья Фрейд. Восемь месяцев спустя после рождения Зигмунда Амалия снова забеременела, и в октябре 1857 года у нее родился второй сын, Юлиус. Зиг-

мунд ревновал мать к нему, и смерть Юлиуса полгода спустя вызвала в нем раскаяние, которое постоянно проявлялось впоследствии в его снах. В этом отношении детство Фрейда было необычным: он утверждал, будто помнит о нем больше, чем большинство людей. Возможно ли это? Доказать справедливость этого утверждения невозможно, как и большинства догматов психоанализа. Так или иначе, в письме своему другу, доктору В.Флиссу от 1897 г. Фрейд признает наличие злых желаний в отношении своего соперника Юлиуса и добавляет, что исполнение этих желаний в связи с его смертью возбудило упреки в собственный адрес – склонность, которая не покидала его с тех пор. В том же письме он рассказывает, как между двумя и двумя с половиной годами было возбуждено его либидо по отношению к матери, когда он однажды застал ее обнаженной.

Детская сексуальность занимает центральное место в теории Фрейда, и поэтому исследователи стремятся найти ее следы в его собственной биографии. Весьма вероятно, что он видел, как его родители занимаются сексом в их тесном жилище. Фрейд, впрочем, никогда не упоминал об этом, но как психоаналитик очень интересовался «первичной сценой» – фантазией, которую младенец выстраивает вокруг занятий взрослых в постели. По крайней мере именно этот сюжет всплыл в ходе психоанализа Сергея Панкеева (Человека с Волками). Интересна реакция на это самого Панкеева. Этот русский плейбой жировал за границей на деньги своих ро-

дителей-помещиков и от праздности и пресыщенности терзался душевной смутой. Психоанализ Фрейда якобы вернул ему душевное равновесие. Дожил Панкеев до преклонных лет, но всю жизнь уклонялся от обсуждения этого эпизода своей биографии. Лишь в старости он дал интервью, которое разрешил опубликовать только после своей смерти. Вероятно, сказалась признательность к психоаналитическому сообществу, которое сделало из него культовую фигуру и почти в буквальном смысле долгие годы его подкармливало, после того как он был разорен революцией. Так вот, домыслы Фрейда сам Панкеев всегда считал совершенно безосновательными – хотя бы по той причине, что в доме его родителей (точнее – в многокомнатном особняке, так не похожем на каморку семьи Фрейд) детская находилась в изрядном удалении от родительской спальни, и вряд ли полуторагодовалый мальчик решился бы проделать этот путь среди ночи.⁴ Не говоря уже о том, что, по признанию Панкеева, никакого душевного облегчения такой анализ ему не принес.

В биографии, написанной Джонсом, непосредственно фигурирует эпизод подглядывания маленького Зигмунда за родителями. Упоминается также, какой гнев это вызвало у Якоба. Легко понять, насколько был напуган малыш гневом

⁴ По версии Фрейда, родители Панкеева в присутствии больного сына занимались любовью, причем два раза подряд, когда однажды среди бела дня заглянули в его спальню, чтобы проведать лежавшего в жару мальчика. Признаться, чтобы представить себе такую сцену, требуется исключительно богатое, мягко скажем, воображение.

отца, который только что совершал нечто непонятное и по всей вероятности насильственное над его любимой матерью. Так что впоследствии выдумывать пресловутый Эдипов комплекс ему не было никакой нужды. Уж по крайней мере в данном случае для возникновения этого комплекса имелись все основания.

В возрасте двух лет Зигмунд все еще мочился в постель, и строгий отец, а не снисходительная мать, ругал его за это. Именно из подобных переживаний в нем зародилось убеждение в том, что обычно отец представляет в глазах сына принципы отказа, ограничения, принуждения и авторитета; отец олицетворял принцип реальности, в то время как мать – принцип удовольствия. Джонс, тем не менее, настаивает, что Якоб Фрейд был «добрым, любящим и терпимым человеком». А вот менее лояльные исследователи приходят к совсем иным выводам.

Голландский психолог П. Де Врийс, проанализировав около 300 писем Фрейда к Флиссу, пришла к выводу, что маленький Зигмунд весьма вероятно подвергался сексуальным посягательствам со стороны отца.

После смерти отца в 1896 г. Фрейд начал свой самоанализ. Он объяснял его необходимость тем, что сам себе диагностировал «невротическую истерию», по причине которой часто страдал «истерическими головными болями». В чем же виделась ему психогенная природа этой боли. В письме Флиссу от 8 февраля 1897 г. Фрейд описывает аналогичные

симптомы у одной пациентки (?). Ощущение давления в висках и темени он связывал со «сценами, где с целью действий во рту фиксируется голова». Характерно, что следующий абзац письма посвящен отцу, умершему несколько недель назад. В письме читаем буквально следующее: «К сожалению, мой отец был одним из извращенцев и стал причиной истерии моего брата и некоторых младших сестер». Незадолго до этого, в письме от 11 января 1897 г. Фрейд четко сформулировал, что он понимает под словом «извращенец» – отец, который совершает сексуальные действия над своими детьми.

Ничего себе – семейка!

Разумеется, ревностные фрейдисты такую трактовку воспримут в штыки. Оно и понятно. Стоит аналитику усомниться в непорочности отца-основателя, и под вопросом оказываются не только долгие годы учебы (и затраченные на нее немалые средства), не только право «лечить» других (и получать за это солидное вознаграждение), но также важнейшие убеждения относительно себя самого, ядро личности психоаналитика. Вот только что это за ядро?..

Ныне вышел из моды термин «моральная дефективность», а похоже – зря. По крайней мере в данном случае истоки этого явления кажутся достаточно ясными. И здоровым людям, выросшим в полноценных семьях, остается только пожалеть маленького невротика из Фрайберга.

В Фрайберге Зигмунд прожил недолго. Коммерческие начинания Якоба Фрейда успеха не имели, что поставило се-

мью на грань финансового краха. К тому процветавший в Моравии антисемитизм заставлял задуматься о перемене места жительства. В октябре 1859 г. семья покинула Фрайберг и после нескольких месяцев, проведенных в Лейпциге в бесплодных поисках новых доходов, наконец обустроилась в Вене. Этому городу и суждено было впоследствии стать цитаделью психоанализа. Здесь Фрейд прожил около 80 лет. Здесь он получил образование. В гимназии он был первым учеником и, по собственному признанию, пользовался известными привилегиями: его даже переводили из класса в класс без экзаменов. Родители ценили успехи сына, заметно превосходившего своими способностями других детей. Для приготовления уроков ему была выделена керосиновая лампа, тогда как остальным приходилось довольствоваться свечами.

В возрасте 17 лет Зигмунд с отличием окончил гимназию и решил посвятить себя науке. Он испытывал в тот период «непреодолимую потребность разобраться в загадках окружающего мира и по возможности сделать что-либо для их решения». Но осуществлению его замыслов препятствовала государственная политика Австро-Венгрии, ограничивавшая сферу деятельности евреев коммерцией, юриспруденцией и медициной. Известное влияние на Фрейда оказала его дружба с Генрихом Брауном, который позднее стал одним из видных деятелей социал-демократического движения, основал совместно с К. Каутским и К. Либкнехтом журнал «Но-

вое время». Под его влиянием Фрейд склонялся к изучению права, но вскоре оставил этот замысел. Не чувствовал он особой склонности и к карьере врача, но тем не менее выбрал медицину как сферу наиболее близкую его интересам.

В 1873 г. он поступил на медицинский факультет Венского университета. Учебные занятия Фрейд совмещал с работой в Институте физиологии при университете, руководимом Эрнстом Брюкке. Сотрудничество с этим выдающимся ученым укрепило научный склад мышления Фрейда. Под руководством Брюкке он осуществил несколько оригинальных исследований, способствовавших оформлению теории нейронов.

Работая в институте Брюкке, Фрейд не мог оставаться в стороне от острых научных дискуссий своего времени. Революция, совершавшаяся в естествознании, требовала мировоззренческого осмысления научных открытий, и это дало толчок его интересу к философии. Однако к тому времени, когда он поступил на медицинский факультет, курс философии был упразднен, и свою склонность к философии Фрейд удовлетворял лишь посредством самообразования. С этой целью в 1874–1875 гг. он прослушал цикл лекций немецкого философа Ф.Брентано. Учение Брентано о психических актах как направленных действиях души, его полемика с английским психиатром Г.Модсли по проблемам бессознательного вызвали живой интерес Фрейда. Брентано не разделял идею бессознательного, но благодаря его

работе «Психология с эмпирической точки зрения» (1874) Фрейд смог познакомиться с существовавшими в истории философии трактовками этой проблемы. По-видимому, общение с Brentano не ограничивалось стенами университетской аудитории, поскольку именно благодаря его рекомендации Фрейд получил заказ на перевод сочинений английского философа Джона Стюарта Милля. В ходе этой работы Фрейд приобщился, в частности, к философии Платона, о которой Милль был весьма высокого мнения. Платоновская идея воспоминания произвела на Фрейда глубокое впечатление и впоследствии была использована им при разработке техники психоанализа.

В 1881 г., закончив медицинский факультет Венского университета, Фрейд получил ученую степень по медицине. Он намеревался стать профессиональным научным работником. Однако осуществить намерение не представлялось возможным. Вакансий в институте Брюкке не было, а на перспективные вакансии претендовали другие его ассистенты, начавшие работу раньше Фрейда. Это положение усугублялось тяжелым материальным положением семьи, едва сводившей концы с концами после финансового кризиса 1873 г. К тому же в 1882 г. Фрейд познакомился и тайно обручился с двадцатилетней Мартой Бернайс, также происходившей из небогатой семьи. Ему было известно непреложное условие матери невесты: замуж Марта выйдет только за человека, способного ее обеспечить. В отчаянии писал он невесте:

«Ежедневно и ежечасно одни и те же вопросы: в доме нет денег, нет дров, мать больна и нуждается в свежем воздухе». Единственным выходом из создавшегося положения была частная практика. Пройдя стажировку в Венской народной больнице, Фрейд открыл врачебный кабинет и занялся лечением невротиков.

Однако вскоре он обнаружил, что не располагает ни исчерпывающей теорией, ни эффективными методами для борьбы с этим распространенным, но малоизученным заболеванием. психология, делавшая свои первые шаги, мало чем могла ему помочь. Лишь в 1879 г. В.Вундтом был создан первый в мире Институт психологии и издан официальный документ, определявший ее статус в системе наук. Психология в ту пору не располагала теорией, способной пролить свет на феномен невроза. «Психология, – писал Фрейд, – могла предложить нам очень мало, а для наших целей совсем ничего, нам пришлось заново открывать как наши методы, так и теоретические гипотезы, на которых эти методы основывались».

Страстное желание как можно быстрее отыскать новое терапевтическое средство, энтузиазм и нетерпение Фрейда отражает история с кокаином. В 1883 г. по заказу химической фабрики Мерка в Дармштадте он предпринял экспериментальное исследование свойств кокаина, причем эксперименты осуществлял главным образом на себе и своих близких. На основании этих исследований его друг Карл Коллер

ввел кокаин в офтальмологию в качестве анестезирующего средства. Однако эксперименты Фрейда нанесли серьезный ущерб здоровью некоторых его добровольных испытуемых. Разразился скандал. В медицинских кругах за Фрейдом надолго закрепилась репутация авантюриста и шарлатана.

В этот нелегкий период жизни произошли и некоторые позитивные события, сыгравшие важную роль в становлении научного мировоззрения Фрейда. В 1885 г. по рекомендации Брюкке он занял место приват-доцента неврологии в Венском университете. Новая должность дала возможность отправиться на стажировку в Париж, во всемирно известную клинику Сальпетриер, которую возглавлял крупнейший невропатолог своего времени Жан Мартен Шарко, признанный «Наполеоном неврозов». Возможность блестящей стажировки окрылила Фрейда. В письме невесте от 20 июня он писал: «Я поеду в Париж, стану великим ученым и вернусь в Вену, окруженный великой, огромной славой, мы сразу поженимся, и я вылечу всех неизлечимых нервнобольных...»

Парижские впечатления несколько охладили его энтузиазм. Стипендия была невелика, и жить приходилось чрезвычайно скромно. К тому разговорным французским Фрейд владел не блестяще, мешал сильный акцент. Коллеги встретили его корректно, но весьма прохладно. Тем не менее молодой венский врач присоединился к большой толпе ассистентов, практикантов и стажеров, которая постоянно сопровождала Шарко во время обходов больных и при сеансах их

лечения гипнозом. Случай помог Фрейду сблизиться с Шарко, к которому он обратился с предложением перевести на немецкий язык его лекции. Шарко был очень доволен предложением, хотя впоследствии выразил неудовольствие в связи с многочисленными сносками и комментариями, которыми Фрейд снабдил перевод.

Фрейд благоговел перед Шарко, и не будет преувеличением сказать, что влияние на него французского мэтра было исключительным. «Мне случилось, – писал он Марте 24 ноября 1885 г., – выходить с его лекций с таким ощущением, словно я выхожу из Нотр-Дам, полный новыми представлениями о совершенстве». «Ни один человек не имел на меня такого влияния», – утверждал он.

Основное внимание Шарко привлекали функциональные психические расстройства, в частности истерия и истерический паралич. Он считал, что истерия – психогенное заболевание, то есть протекает без изменения в тканях и вызывается чисто душевными причинами, которые нельзя обнаружить с помощью микроскопа. (Надо отметить, что до Шарко понятие психогенного заболевания было медицине совершенно чуждо.) Мысль Шарко о том, что причины функциональных психических расстройств следует искать не в анатомии, а в психологии, глубоко запала в сознание Фрейда.

Кроме того в одной из бесед с Фрейдом Шарко заметил, что источник странностей в поведении невротика таится в особенностях его половой жизни. Впоследствии эта идея,

развитая Фрейдом, послужила краеугольным камнем психоанализа.

Полное собрание его сочинений составляет 24 тома, и наивно пытаться их пересказать. Предельно упрощая, идеи Фрейда можно сформулировать так. Сознание – это лишь поверхностный пласт человеческой психики. Корни нашего мироощущения и поведения лежат глубже и недоступны сознанию. В их основе – природное влечение к удовольствию. А поскольку сексуальное удовлетворение – это квинтэссенция удовольствия, то и влечения человека по сути своей сексуальны. Однако суровая общественная мораль ограничивает сексуальность. Вхождение человека в общество – это череда болезненных столкновений с запретами. Ушибы от этих столкновений всю жизнь болят в виде неосознаваемых комплексов и неврозов. И вся душевная жизнь – это сплошное противоречие природных влечений и навязанной извне цензуры.

Не вдаваясь в данный спор сторонников и противников Фрейда (и тех, и других всегда было немало: еще при жизни он удостоился мемориальной доски на родном доме и публичного сожжения своих трудов), попробуем взглянуть на проблему с иной стороны. Ибо верно замечено: человек – это то, что с ним происходит. Наши суждения и представления – результат нашего жизненного опыта. А какой же опыт стоит за плечами величайшего теоретика сексуальности? Разобравшись в этом, мы наверное многое поймем, в том числе

– и про самих себя.

Период взросления и возмужания Фрейда пришелся на эпоху, которую принято называть викторианской. А викторианская мораль по сути своей была категорически антисексуальна. Достаточно сказать, что существовал жесткий запрет на наготу, даже в интимных супружеских отношениях. Появление нагой натуры неохотно допускалось на живописном полотне, которое викторианский зритель рассматривал, как наш современник – фотографию лунного пейзажа, то есть как нечто такое, что, конечно, существует в действительности, но что едва ли когда удастся увидеть своими глазами. В викторианской Англии даже было принято на ножки стульев надевать нечто наподобие юбочек во избежание ассоциаций с наготой женской ножки. Современное искусство нередко забывает о таких деталях. Так, в советской экранизации «Анны Карениной» режиссера А.Зархи Анна и Вронский в любовной сцене, пускай и намеком (цезура не дремала!), показаны обнаженными, хотя в ту эпоху подобная сцена была просто немислима. Авторы английской экранизации «Женщины французского лейтенанта», действие которой происходит как раз в викторианскую пору, более точны: герой и героиня предаются любви, одетые в ночные рубахи до пят. Теряя в выразительности, кадр выигрывает в достоверности. Сегодня это кажется невероятным, но в то время даже супруги могли за всю жизнь ни разу не увидеть друг друга обнаженными. Сегодня любой подросток знает, что

зрительные образы сильно стимулируют эротические чувства. Каково же было викторианским супругам! Не говоря уже о том, что соприкосновение закутанных тел не очень-то возбуждает.

Вообще сексуальность викторианской моралью расценивалась как нечто низменное и постыдное. Удовольствие от секса считалось признаком испорченности, и ни одна порядочная женщина не могла себе позволить к этому стремиться. То, что все-таки можно было себе позволить (в современной сексологии это определяется как диапазон приемлемости), исчерпывалось удручающим минимумом при абсолютной недопустимости каких-либо вариаций поз и ласк. Новаторский для своего времени труд доктора Крафт-Эббинга (кстати, настольная книга Фрейда) мало того, что назывался «Сексуальная психопатия», но и трактовал ряд проявлений сексуальности, ныне вполне приемлемых и практикуемых в каждой спальне, как грубые извращения. Можно себе представить, сколь скудный сексуальный рацион ожидал молодого Фрейда в супружестве. Судя по всему, только его он и получил.

Здесь уместно заметить, что Фрейд, умевший погружаться в самые интимные тайны людей и пытавшийся узнать о них даже больше, чем люди сами о себе знали, сделал все, чтобы его личная жизнь была окутана завесой тайны. Переписку, касающуюся интимных вопросов, он беспощадно уничтожал. Тем не менее, по некоторым высказываниям

близко знавших его людей можно составить приблизительно представление о его личной жизни.

Однажды Фрейд обмолвился, что впервые влюбился в шестнадцатилетнем возрасте. Гизелла Флюсс надменно отвергла любовь будущего светила, чем, возможно, способствовала вытеснению его грешных мыслей в подсознание. Механизм вытеснения будет детально описан Фрейдом тридцать лет спустя.

Взаимности Фрейд удалось добиться лишь через десять лет. В 26-летнем возрасте он познакомился с Мартой Бернайс (ей был тогда 21 год), которая вскоре согласилась выйти за него замуж. Свадьба состоялась только через четыре года, поскольку мать невесты выдвинула категорическое требование: мужем Марты станет только человек, способный ее обеспечить.

За годы помолвки Зигмунд и Марта виделись редко. Однако, страстно желая близости, Фрейд буквально заваливал невесту письмами: их сохранилось около полутора тысяч. То есть ежедневно жених обращался мысленным взором к невесте. Эти письма, преисполненные трепетной нежности, доносят до нас томление духа молодого Фрейда. Нетрудно догадаться, что имело место и томление плоти. Утолить его Фрейд удалось лишь в тридцатилетнем возрасте.

По замечанию одного из биографов, «Фрейд обладал ненасытным сексуальным аппетитом». За первые девять лет супружества у Марты и Зигмунда родилось шестеро детей.

Но это, вероятно, и было основным итогом сексуальной активности. С рождением последнего ребенка совпала определенная потеря интереса к сексу. Не исключено, что причина кроется в том, что отцу многочисленного семейства приходилось теперь больше задумываться о средствах предохранения, чем о плотских радостях.

В 1907 году в гости к Фрейду приехал его коллега Карл Густав Юнг с женой. Впоследствии он рассказывал: «Когда я прибыл в Вену со счастливой молодой женой, Фрейд пришел повидать нас в гостиницу и принес цветы для Эммы. Он старался быть очень предупредительным и в один из моментов сказал мне: «Я прошу прощения за то, что не могу проявить подлинного гостеприимства. У меня дома нет ничего, кроме старой жены». Встреча со «старой женой» все-таки состоялась, и после нее Юнг отметил: «Было более чем очевидно, что отношения между Фрейдом и его женой носили весьма поверхностный характер».

О том же еще более откровенно свидетельствует письмо самого Фрейда, датированное 1908 годом: «Семейная жизнь перестает давать те наслаждения, которые она обещала сначала. Все существующие сейчас противозачаточные средства снижают чувственные наслаждения». За несколько лет до этого он писал своему близкому другу Вильгельму Флиссу: «Сексуального возбуждения для меня больше не существует».

Из шестерых детей Фрейда развитию идей отца посвятила

свою жизнь лишь дочь Анна, словно компенсируя свою сексуальную не востребованность. Кстати, другим ее увлечением было вязание, которое родоначальник фрейдизма считал символическим замещением полового акта.

Судя по этим разрозненным данным, личная жизнь отца сексуальной революции вполне соответствует теории, которую он выдвигал. «Сексуальная жизнь цивилизованного человека серьезно искалечена общественной моралью», – писал он и собственной судьбою доказал правоту своих слов. А как знать, что мы сегодня понимали бы под фрейдизмом и существовал бы он вообще, будь фрау Марта немножко поласковее к своему ученому супругу?

Из Парижа в Вену Фрейд вернулся окрыленным. Однако коллеги встретили его прохладно. Его доклад о стажировке был встречен скептически. Предстояли еще годы становления собственной концепции, которая должна была принести ему признание.

Несколько лет Фрейд продолжал без особого успеха испытывать различные фармакологические и физиотерапевтические средства лечения больных. Пациентов ему в основном направлял его старший коллега и друг Йозеф Брейер, взявший его под свое покровительство.

В 1888 г. Фрейд ознакомился с книгой ученика Шарко – доктора Ипполита Бернгейма – «Внушение и его применение в качестве терапии», в которой описывались результаты лечения невротиков методом гипнотического внушения.

С целью освоить технику гипноза Фрейд в 1889 г. отправился в Нанси, где работал Бернгейм. Метод гипноза произвел на него большое впечатление. В ряде случаев гипнотическое внушение вело к полному исчезновению у больных истерических симптомов. Особенно поразил Фрейда эксперимент Бернгейма с пациенткой, которой в состоянии гипнотического сна было приказано по пробуждении раскрыть стоявший в углу зонтик, что она и сделала. На вопрос, зачем понадобилось раскрывать зонт в помещении, пациентка смущенно ответила, что хотела удостовериться, ее ли это зонтик. Факт гипнотического внушения не отложился в ее памяти. Это натолкнуло Фрейда на мысль, что работа мозга не всегда осознается, что в основе поведения могут лежать бессознательные мотивы, которые можно обнаружить с помощью специфических приемов, например – гипноза.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.